

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Казенин К.И.

**Влияние миграции на рождаемость: обзор
зарубежных исследований**

Москва 2017

Аннотация. Препринт посвящен методике исследования влияния миграции на рождаемость. Исследования данной проблемы приобретают большую актуальность на фоне увеличения масштабов мировой миграции. В препринте рассматриваются основные гипотезы, проверяемые в большинстве современных исследований миграции и рождаемости. Для ряда стран мира, являющихся на сегодня крупнейшими «реципиентами» миграции, рассмотрены результаты исследований влияния миграции на рождаемость. В рассмотрение включены как исследования, основанные на данных официальной статистики, так и исследования, выполненные на основе количественных социологических опросов мигрантов.

Казенин К.И. директор научно-исследовательского центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 Анализ имеющихся в научной литературе подходов к исследованию отличий между рождаемостью среди мигрантов и на территории их проживания до миграции	5
1.1 Гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости	5
1.1.1 Гипотеза адаптации.....	6
1.1.2 Гипотеза социализации.....	8
1.1.3 Гипотеза селективности.....	12
1.1.4 Гипотеза прерывания	12
1.2 Рождаемость мигрантов в разных странах мира: результаты исследований.....	15
1.2.1 Мигранты в странах Европы: некоторые обобщающие исследования.....	15
1.2.2 Исследования рождаемости потомков мигрантов	20
1.2.3 Рождаемость мигрантов в Великобритании	25
1.2.4 Рождаемость мигрантов в Германии.....	33
1.2.5 Рождаемость мигрантов в Швеции.....	36
1.2.6 Рождаемость мигрантов в Италии	39
1.2.7 Рождаемость мигрантов в Испании.....	42
1.2.8 Рождаемость мигрантов в США	45
1.2.9 Рождаемость мигрантов в Австралии	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	62

ВВЕДЕНИЕ

Влияние миграции на «семейные стратегии» человека, в том числе на вероятность вступления в брак, на количество детей, на возраст заключения брака и рождения первого ребенка в последние три десятилетия интенсивно исследуется в мировой демографии. Большое внимание к этой проблематике связано с увеличением объема мировой миграции, как международной, так и внутривострановой, и с необходимостью прогнозирования динамики численности переселенческих сообществ. Изучение рождаемости среди мигрантов в значительной степени выделилось в самостоятельное научное направление, со своей системой понятий, гипотез и исследовательских методов. Настоящий препринт представляет собой обзор основных результатов, полученных в этой области исследований.

1 Анализ имеющихся в научной литературе подходов к исследованию отличий между рождаемостью среди мигрантов и на территории их проживания до миграции

Исследование рождаемости среди мигрантов, обнаружение ее тенденций и факторов, ее предопределяющих, становится все более важной задачей по мере роста географической мобильности населения в современном мире. Понимание взаимосвязей, имеющихся между рождаемостью и миграцией, важно не только для оценки будущих изменений численности населения на принимающих территориях, но, во многих случаях, и для предсказания изменений его этнического состава, связанных с этими изменениями социо-культурных сдвигов и конфликтов.

В настоящей работе мы не стремимся отразить все разнообразие имеющейся литературы по рождаемости среди мигрантов. Работа преследует следующие цели: во-первых, представить основные имеющиеся в литературе общие гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости, во-вторых, на основе исследований, выполненных для некоторых стран, показать случаи подтверждения каждой из этих гипотез.

1.1 Гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости

В этом разделе представлены основные гипотезы о влиянии миграции на рождаемость, имеющиеся на сегодня в демографической литературе. Прежде, чем перейти к рассказу о них, важно сделать одну оговорку. Ни одна из этих гипотез даже большинством авторов, выдвигающих ее, не рассматривается в качестве единственного варианта взаимосвязи миграции и репродуктивного поведения. Каждая из гипотез, по сути, говорит об одном из возможных сценариев изменения рождаемости в связи с миграцией, не исключая при этом других сценариев. Гипотезы выдвинуты на основе анализа разных миграционных потоков, и совместное рассмотрение этих гипотез дает картину того разнообразия динамики фертильности в мигрантских сообществах, которое известно на сегодняшний день. Сравнение предсказательной силы гипотез можно осуществлять применительно к конкретным

"кейсам" миграции, но оно не имеет смысла применительно к мировой миграции в целом (сопоставление рассматриваемых ниже гипотез см. в [1;2;3]).

1.1.1 Гипотеза адаптации

Гипотеза адаптации состоит в том, что мигранты, оказавшись в новой для себя среде, усваивают характерные для нее поведенческие нормы, в том числе и касающиеся репродуктивного поведения (а также брачности). В случае, если миграция идет с территории, характеризующейся более высокой рождаемостью, на территорию с более низкой рождаемостью (эта ситуация для сегодняшнего мира, по-видимому, является наиболее распространенной), гипотеза адаптации предполагает снижение репродуктивной активности у мигрантов по сравнению с населением их "исторической родины". Первоначально гипотеза адаптации была, по-видимому, выдвинута для внутристрановой миграции - миграции из сел в города в Малайзии и Таиланде [4], однако затем была подтверждена и на многих примерах межстрановой миграции.

При этом среди исследователей, выдвинувших данную гипотезу, нет согласия относительно того, что заставляет мигрантов усваивать новые для них нормы в сфере рождаемости. Так, в [5] применительно к миграции из села в город в Южной Корее показано, что уменьшение рождаемости после миграции в города связано главным образом с изменением экономических условий, в которых находятся мигранты: увеличением возможностей для женщин на рынке труда, изменением величины и структуры затрат на детей и т.д. В [6] решающим фактором, способствующим восприятию сельскими мигрантами «городских» норм рождаемости, названо улучшение медицинских условий в городе по сравнению с селом, вследствие которого сокращается детская смертность и, соответственно, уменьшается «запрос» на детей.

Отметим, что в ряде исследований значимость экономических условий для адаптации рождаемости к городскому уровню доказывается на основе моделей, в которых экономические параметры, стимулирующие адаптацию, заданы весьма жестко. Например, в [7] на примере миграции в города на Филиппинах в качестве основного параметра, различающего экономические условия миграции, используется факт получения или неполучения женщиной работы в городе в течение двух месяцев после переезда туда. Этот признак оказывается значимым для последующей

рождаемости, но, как отмечают критики (см., напр., [8]), данный подход оставляет за пределами рассмотрения последующее положение мигрантов на рынке труда, которое также может оказывать влияние на репродуктивное поведение.

Гипотеза адаптации получила подтверждения на примере международной миграции, в частности, в Канаде [9], Германии [10], Швеции [11]. В большинстве таких исследований в фокусе внимания – вероятность перехода к рождению ребенка того порядка, к которому достаточно редко переходят коренные жители страны пребывания (например, переход к третьему ребенку среди мигрантов из азиатских стран в Западной Европе). Подтверждением гипотезы адаптации служит факт уменьшения вероятности рождения ребенка данного порядка у мигрантов по сравнению с их соотечественниками, оставшимися на родине.

Если предположить, что адаптация по рождаемости к новой среде пребывания имеет место, то логично ожидать, что в определенных случаях этот процесс будет идти быстрее, чем в других. В литературе получили подтверждения, в частности, следующие гипотезы об "ускоряющих" факторах адаптации:

1. «Усвоение» мигрантом репродуктивных норм страны пребывания идет быстрее, если супруг/партнер является уроженцем данной страны. Соответственно, разница по рождаемости между «смешанными» семьями и семьями, в которых оба партнера являются мигрантами, может служить подтверждением гипотезы адаптации. Это предсказание подтвердилось, например, для Германии. В [12] на основе анализа данных микропереписи, проведенной в Германии в 2008 году (микроперепись охватила 1% населения), показано, что среди женщин, прибывших в эту страну из стран с высокой рождаемостью, многодетность наименее вероятна у тех, чей партнер не является их соотечественником.

2. Имеются различия по репродуктивному поведению между мигрантами разных поколений. Если уподобление "принимающей территории" по рождаемости у мигрантов первого поколения имеет место, то у их детей, как можно ожидать, этот процесс пойдет быстрее и легче, поскольку их личностные установки с самого начала формируются в принимающей стране. Поэтому по сравнению с мигрантами первого поколения эффекты адаптации могут быть сильнее выражены и мигрантов так называемого "полуторного" и второго поколений ("полуторным поколением" мигрантов часто называют мигранты, совершившие миграцию в возрасте до 15 лет).

В [13] показано, что это предположение подтверждается при изучении мигрантов разных поколений в Великобритании (подробнее об этой работе см. ниже; в ней также содержатся ссылки на другие исследования разницы по рождаемости между поколениями мигрантов).

1.1.2 Гипотеза социализации

Гипотеза социализации предполагает, что определяющими для рождаемости среди мигрантов будут репродуктивные установки, полученные ими в детстве. Для мигрантов первого поколения эта гипотеза, очевидно, прямо противоречит гипотезе адаптации. Основное предсказание гипотезы социализации состоит в том, что различия по рождаемости у мигрантов с территорий, различающихся уровнем рождаемости, будут сохраняться даже при длительном проживании на новой территории. Подтверждения этому находятся на материале различных мигрантских сообществ. Например, в [14] показано, что среди мигрантов, проживающих в Германии, сохраняются различия по рождаемости в зависимости от стран, из которых они прибыли (рассматриваются мигранты из Турции, бывшей Югославии и стран Южной Европы). Аналогичные выводы делаются для внутристрановой миграции в Индии, при которой сохраняются различия по рождаемости между выходцами из разных штатов [15] и для международной миграции из европейских стран в Австралию [16].

Хотя гипотезы социализации и адаптации не согласуются друг с другом, на практике возможной и даже довольно частой оказывается ситуация, когда рождаемость в одном мигрантском сообществе подтверждает обе эти гипотезы. Так, в последние десятилетия сохранение контрастов по рождаемости между выходцами из разных азиатских стран в Западной Европе наблюдается на фоне снижения рождаемости у выходцев практически из всех этих стран по сравнению с рождаемостью на их родине (см. на примере Германии [14], на примере Великобритании [17]). То есть гипотеза социализации может объяснять различия в протекании того процесса, общий вектор которого соответствует гипотезе адаптации.

Особый интерес представляют предсказания гипотезы социализации и результаты проверки этих предсказаний для мигрантов второго поколения. Из гипотезы социализации следует, что рождаемость второго поколения мигрантов будет

зависеть от той среды, в которой проходила их первоначальная социализация: если они росли в достаточно замкнутой "мигрантской" общине, то их отличия по рождаемости от основного населения "принимающей" территории будут больше, чем в случае, если они росли в более "открытой" среде (подробнее о проверке этих предсказаний см. ниже в данном обзоре).

Если мигранты попадают при переезде в иноэтничную среду (а это имеет место в большинстве случаев межстрановой миграции, а иногда и при внутристрановой миграции - ср. миграцию населения Северного Кавказа в другие регионы РФ), то вопрос о том, почему у них может сохраняться рождаемость, отличная от коренного населения, тесно смыкается с вопросом о причинах отличий немигрантских национальных меньшинств от этноса, образующего большинство, по характеристикам рождаемости. Последний вопрос неоднократно отражался в литературе. В основном все подходы к объяснению отличий репродуктивного поведения меньшинств сводятся к трем "прототипическим" вариантам:

1. На рождаемость этнического меньшинства влияет его низкий социальный статус. Признаются два прямо противоположных направления, в которых может идти это влияние. С одной стороны, низкий социальный статус, в котором находится этническое меньшинство, может заставлять его представителей снижать рождаемость из-за стремления достичь большей социальной мобильности (так называемая "гипотеза меньшинств"/minority group hypothesis – см. [18] рассмотрение возможных причин "пониженной" рождаемости у нацменьшинств в США см. также в известной работе [19]). Интересное косвенное подтверждение этой идее находится, например, в работе [20], где показано, что брачность у турецких курдов, в сельской местности превышающая брачность турок, резко снижается и даже отстает от брачности турок в городах. Это объясняется стремлением представителей данного нацменьшинства, переезжающих в города, использовать все возможности для получения образования и поиска хорошей работы, для чего вступление в брак и последующее деторождение видится препятствием. Признается в литературе, однако, и возможность прямо противоположного влияния низкого социального статуса этнического меньшинства на рождаемость, а именно, "политически мотивированного" повышения рождаемости с целью укрепить положение своего этноса в обществе. Малоизвестный пример такого рода рассматривается в статье [21]: после того, как в 1940-е годы на островах Фиджи в результате многолетней трудовой миграции индийцев коренное население оказалось

в меньшинстве, у него появилась отчетливая тенденция к сохранению высокой рождаемости, которая наблюдалась в течение нескольких десятилетий: у индийцев Фиджи суммарный коэффициент рождаемости с 1966 по 1996 снизился почти в два раза (с 4,9 до 2,5), а у коренного населения - значительно меньше (с 5,3 до 3,9). Возможным объяснением такого контраста между индийцами и коренными жителями Фиджи автор называет стремление коренного населения обеспечить себе более значительную долю в общем числе жителей государства.

2. Отличия по рождаемости обусловлены исключительно "структурными" особенностями этнических меньшинств (уровнем образования, уровнем дохода и т.д.). В качестве наиболее свежего примера работы, объясняющей этнические различия по рождаемости такими факторами, можно упомянуть статью [22], рассматривающую рождаемость ряда мусульманских меньшинств в Европе - как коренных (турок в Болгарии, турок и албанцев в Греции), так и образовавшихся в результате недавней миграции (выходцев из мусульманских стран в Испании). В статье показано, что все эти меньшинства существенно "отстают" от остальной части населения своих стран по уровню образования, и именно этим предлагается объяснять их более высокую рождаемость. Отметим, однако, что "свести" этнические контрасты по рождаемости к различиям социальных характеристик этносов удастся далеко не всегда. Имеется немало примеров исследований, в которых при моделировании рождаемости этническая принадлежность не теряла значимости в модели после того, как в модель были включены такие параметры, как образование, проживание в селе/в городе и т.п. (см., напр. [20; 23] и мн. др.) В целом идея "сводимости" различий по рождаемости между этносами к различиям их социальных характеристик никак не может считаться на сегодня общепринятой и универсально подтверждаемой имеющимся материалом.

3. Особенности репродуктивного поведения меньшинства связаны с доминирующими в нем культурными нормами (см., напр., [24] на примере рождаемости разных этносов в Мозамбике). Ссылки на различия "культурных норм" весьма распространены в работах по межэтническим различиям в области рождаемости, однако нередко вызывают критику. Так, в статье [25] отмечается, что, приписывая различия по рождаемости "культурным различиям", исследователи часто не проясняют, благодаря каким именно механизмам первые предопределяются вторыми. Там же обосновывается предположение, что на деле этнические или

"расовые" различия по репродуктивному поведению могут быть следствием одновременно и экономических, и "ценностных", то есть культурных различий. Так, большая доля внебрачных рождений среди потомков африканцев, живущих в США, может быть объяснена как низким уровнем жизни в их среде, из-за которого многие мужчины избегают женитьбы, так и низкой ценностью семьи (возможно, восходящей еще к временам рабства). То есть культурные объяснения могут соседствовать с экономическими.

Мы здесь не рассматриваем подробно спор об этих путях объяснения этнических особенностей репродуктивного поведения, так как исследования на эту тему часто не связаны с проблемой миграции. Однако разнообразие этих объяснений особенностей имеет следующее важное следствие для изучения рождаемости мигрантов: сам факт сохраняющихся, не поддающихся "адаптационным" процессам репродуктивных отличий иноэтничных мигрантов от коренного населения, вообще говоря, нельзя автоматически рассматривать как подтверждение гипотезы социализации. Например, низкая по сравнению с местным населением рождаемость мигрантов на принимающей территории, даже если таковая наблюдается и на их исторической родине, может быть следствием не только воспроизводства усвоенных в детстве норм, а сложного экономического положения мигрантов на новом месте. Точно так же повышенная по сравнению с местным населением рождаемость среди мигрантов может быть связана с низким уровнем образования у мигрантов на новой территории, а не с воспроизводством репродуктивного поведения, наблюдаемого на исторической родине. Это требует особо осторожного отношения к гипотезе социализации. Отметим, что далеко не во всех исследованиях, усматривающих эффекты социализации в рождаемости мигрантов, анализируются перечисленные объяснительные альтернативы этой гипотезе. Вместе с тем, иногда длительному сохранению отличий мигрантов по рождаемости предлагаются интересные объяснения, не связанные с перечисленными подходами к рождаемости меньшинств, но и не укладывающиеся в гипотезу социализации. Так, в уже упомянутой работе [16] показано, что сохранение отличий между коренным населением Австралии и мигрантами, в том числе второго поколения, из Греции в конце 20 века может быть объяснено необычайно интенсивными контактами, которые последние сохранили со своей исторической родиной.

1.1.3 Гипотеза селективности

Гипотеза селективности была первоначально выдвинута, по-видимому, [26] (см. также, напр., [27, 28]). Ее исходное предположение состоит в том, что миграция - это выбор, который не является равновероятным для всех членов некоторого социума: как правило, существует такой набор свойств (касающихся социально-экономического положения, образования и многого другого), для обладающих которым семей или индивидов миграция существенно более вероятна, чем для всех остальных. Например, миграция из села в город может быть наиболее вероятной для таких семей, взрослые члены которых нацелены в первую очередь на успешную профессиональную карьеру, а также для таких семей, которые по своему составу наиболее подготовлены к бытовой адаптации в городе. Обе эти характеристики связаны с относительно небольшим числом детей. Гипотеза селективности предсказывает, что будущие мигранты будут отличаться по своему репродуктивному поведению от соседей еще до миграции, то есть будет иметь место "селекция" будущих мигрантов по количеству детей.

Некоторые исследователи, развивающие гипотезу селективности применительно к миграции из сельской местности в города, показывают, что релевантность этой гипотезы может быть разной на разных исторических стадиях миграции. В частности, когда миграция с какой-либо сельской территории в города только начинается, она сопряжена с наибольшими трудностями для мигрантов, которые не могут воспользоваться в городе опытом своих земляков, связями с ними и т.д. На этом этапе «селективность» миграции наиболее высока: с большой вероятностью в город поедут семьи с малым числом детей, взрослые члены которых нацелены главным образом на профессиональную реализацию в новой среде. Однако на последующих этапах «требования» к мигрантам могут снизиться, и объяснительная сила гипотезы селективности может уменьшиться (см. [29] для миграции из сел в города на Филиппинах).

1.1.4 Гипотеза прерывания

Гипотеза прерывания (disruption hypothesis; среди первых работ, в которых она была высказана: [30, 31] предполагает, что влияние миграции на рождаемость в основном проявляется в первый послемиграционный период, в котором изменения в

рождаемости связаны с теми или иными проблемами, с которыми семья сталкивается именно в процессе переезда и обустройства на новом месте. Эта гипотеза предполагает снижение влияния фактора миграции на рождаемость после окончания достаточно короткого (длиной менее 5 лет) периода после переезда.

Интересно, что исследования, в которых защищаются данные гипотезы, различаются по тому, какое именно влияние на рождаемость – повышающее или понижающее – они приписывают обстоятельствам переезда. Так, в [32] на примере миграции из села в город в Таиланде показано, что в период переезда и обустройства мигрантов действует ряд особых факторов, ведущих к более низкой рождаемости. Эти факторы прежде всего касаются экономических трудностей, которые заставляют мигрантов откладывать деторождение. С другой стороны, в ряде работ отмечается противоположная тенденция – всплеск рождаемости в первые годы после миграции. Такой эффект описан, например, для Германии и Швеции, где рождаемость мигрантов из некоторых стран Азии и Африки очень высока в первые 1-2 года после миграции, а затем постепенно снижается [11, 14]. Было предложено как минимум два объяснения таких "всплесков". Во-первых, рождение детей в "принимающей" стране может рассматриваться мигрантами как средство укрепить там свой статус, облегчить себе легализацию (оправданность таких надежд зависит от законодательства конкретных стран). Во-вторых, повышенная рождаемость в первые годы после переезда ожидается в тех мигрантских сообществах, где распространена "брачная" миграция, то есть миграция женщин с целью заключения в новой стране (такая миграция в последние полтора-два десятилетия составляла большую долю, например, в миграционных потоках в Западную Европу из Турции, Марокко, также распространена "брачная" миграция из Мексики в США).

Легко видеть, что гипотеза прерывания, по сути, охватывает набор очень разных явлений, несходных между собой как по самой динамике рождаемости, так и по возможным причинам этой динамики. Общим для них является лишь "необычное" репродуктивное поведение в первые годы после переезда на новую территорию, с последующим его изменением (например, уподоблением по рождаемости "принимающей" территории в соответствии с ожиданиями гипотезы адаптации).

Каждой из перечисленных гипотез соответствуют свои подтверждающие признаки в количественной динамике рождаемости мигрантов. Достаточно очевидны эти признаки для гипотез адаптации, социализации и прерывания.

Гипотеза адаптации предполагает, что рождаемость у мигрантов с одной и той же территории будет разной в зависимости от того, как долго они пребывают на принимающей территории, и чем дольше это пребывание - тем меньше отличий по рождаемости от коренного населения.

Гипотеза социализации предполагает, напротив, что длительность пребывания на принимающей территории не будет оказывать заметного влияния на рождаемость мигрантов, и что их рождаемость будет подобна рождаемости, наблюдавшейся на их родине в период их детства и юности. (Отметим, что эти подтверждающие количественные признаки гипотез адаптации и социализации легко определить, но их обнаружение при анализе данных статистики часто представляет собой вовсе не простую задачу.)

Гипотеза прерывания предполагает, что рождаемость мигрантов в первые годы пребывания на принимающей территории заметно отличается от рождаемости тех же мигрантов в последующие годы.

Что касается гипотезы селективности, то вопрос о возможности ее подтверждения количественными данными гораздо менее ясен. Вообще говоря, для ее подтверждения требуется анализ рождаемости на территории, откуда совершена миграция, с демонстрацией различий между домиграционной рождаемостью покинувших ее и рождаемостью жителей тех же возрастных групп, оставшихся на родине. Однако, даже если количественные данные такого рода удастся получить, возможность подтвердить ими гипотезу селективности проблематична, ведь среди оставшихся на родине могут быть и те, кто готовится совершить миграцию в ближайшее время, или намеревался совершить ее, но не смог это сделать по каким-то причинам и т.д. Для таких групп ожидалась бы рождаемость, сходная с "домиграционной" рождаемостью мигрантов, но выделить эти группы или хотя бы оценить их численность практически невозможно.

1.2 Рождаемость мигрантов в разных странах мира: результаты исследований

В настоящем разделе изложены результаты исследований рождаемости международных мигрантов в ряде стран мира. При выборе исследований мы стремились учитывать два фактора: интенсивность миграции в страну и актуальность результатов исследования для оценки имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость. В силу последнего критерия, состав исследований, охарактеризованных для каждой из принимающих стран, заведомо неполон. Подразделам, посвященным отдельным странам, предшествует изложение результатов двух значимых межстрановых исследований.

1.2.1 Мигранты в странах Европы: некоторые обобщающие исследования

В данном подразделе излагаются основные результаты двух обобщающих научных работ, посвященных рождаемости в европейских странах, главным образом – в странах Евросоюза.

В статье [33] рассматривается влияние международной миграции на общую рождаемость в европейских странах. Источником данных является информация статистических органов европейских стран за 1990-2000-е годы. Автор отмечает, что эта информация не единообразна по странам. Это происходит, в частности, из-за разной трактовки понятия "мигрант" их органами статистики. Тем не менее, доступная информация позволяет заключить, что в большинстве стран Евросоюза в исследуемый период рождаемость у женщин, мигрировавших из-за рубежа, была выше, чем рождаемость у уроженок этих стран (разница по суммарному коэффициенту рождаемости колебалась между 0,3 и 0,9). В таблицах 1 и 2 приведены данные о различиях между суммарными коэффициентами рождаемости у коренных жительниц и мигранток в ряде европейских стран в 1990-е – первой половине 2000-х годов (в таблице 1 содержатся данные по странам, в которых органы статистики отдельно измеряют рождаемость у женщин, родившихся в этой стране, и у женщин, мигрировавших в нее; в таблице 2 – данные по странам, в которых официальная статистика различает рождаемость у женщин, имеющих и не имеющих гражданства этой страны, независимо от «миграционной истории»; во всех случаях, если период включает в себя более одного года, для него дается среднее значение суммарного

коэффициента рождаемости). По оценкам автора, вклад мигранток в общую рождаемость стран "старой" Европы (то есть стран, вступивших в Евросоюз до 2000 года) в 2000-е годы составлял от 10 до 20 процентов.

Таблица 1 - Суммарные коэффициенты рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, в 1990-первой половине 2000-х [33]

Страна	Период	СКР уроженок страны	СКР мигранток	Разница
Дания	1999-2003	1,69	2,43	0,74
Англия и Уэльс	2001	1,6	2,2	0,6
Франция	1991-1998	1,65	2,50	0,85
Нидерланды	2005	1,65	1,97	0,32
Норвегия	1997-1998	1,76	2,42	0,66
Швеция	2005	1,72	2,01	0,29

Таблица 2 - Суммарные коэффициенты рождаемости у женщин, имеющих гражданство данной страны, и у женщин, не имеющих его, в 1990-первой половине 2000-х [33]

Страна	Период	СКР женщин, имеющих гражданство	СКР женщин, не имеющих гражданства	Разница
Австрия	2001-2005	1,29	2,03	0,74
Бельгия	1995	1,49	2,12	0,64
Франция	2004	1,80	3,29	1,49
Италия	2004	1,26	2,61	1,35
Испания	2002	1,19	2,12	0,93
Швейцария	1997	1,34	1,86	0,52

Отметим, что разрывы по уровню рождаемости между коренными жителями и мигрантами сохранились в западноевропейских странах и в более поздний период.

Так, в одном из своих докладов в 2017 году Т.Соботка приводил данные по ряду стран на 2014 год, показанные в таблице 3 [34]:

Таблица 3 - Суммарные коэффициенты рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, в 2014 г. [34]

Страна	СКР уроженок страны	СКР мигранток	Разница
Бельгия	1,59	2,25	0,66
Франция	1,84	3,10	1,26
Великобритания	1,74	2,08	0,34
Норвегия	1,74	1,97	0,23
Швеция	1,83	2,18	0,35
Австрия	1,36	1,96	0,60
Германия	1,42	1,83	0,41
Швейцария	1,43	1,85	0,42
Италия	1,29	1,83	0,54

В статье [33] автор далее показывает, что в одной и той же европейской стране уровень рождаемости мигрантов из стран с разным уровнем рождаемости на рубеже 20-21 веков мог быть разным. В большинстве рассмотренных в статье стран наибольшей рождаемостью характеризуются выходцы из Пакистана и из Сомали (см. таблицу 4).

Таблица 4 - Суммарные коэффициенты рождаемости для мигрантов из разных стран в странах Западной Европы в 1990-е – первой половине 2000-х [33]

Страна	Период	Сомали	Пакистан	Турция	Иран
Австрия	2000-2005			2,96	
Дания	1999-2003	5,21	3,58		1,84
Англия и Уэльс	2001		4,7		
Франция	1991-1998			3,21	

Норвегия	1997-1998	5,2	3,59	3,09	1,92
Швеция	2005	3,82		2,62	1,31

Одновременно автор показывает, что среди женщин, мигрировавших в страны Евросоюза из стран с высокой рождаемостью, более молодые возрастные когорты в 1990-2000-е годы уподоблялись по рождаемости принимающей стране в большей степени, чем более старшие когорты. Также молодые когорты в большей степени копировали репродуктивное поведение принимающей страны с точки зрения тайминговых характеристик рождаемости. Отчасти, по мнению Сobotки, это объясняется тем, что и во многих странах с высокой рождаемостью в указанный период шло сокращение рождаемости и повышение возраста материнства, и поэтому у мигрантов более поздних годов рождения контраст по характеристикам рождаемости между их прежней и новой страной был меньше, что облегчало адаптацию. При этом более высокий уровень рождаемости среди мигрантов по сравнению с коренным населением, как показывает автор, отчасти объяснялся тем, что уровень бездетности среди мигрантов в ряде случаев оставался столь же низким, как в странах, откуда они мигрировали.

Отдельно в статье демонстрируется, что религиозная принадлежность мигрантов не позволяет однозначно "предсказать" их репродуктивное поведение в принимающих странах, так как у женщин, мигрировавших из разных мусульманских стран, уровень рождаемости в странах Евросоюза разный, как разный он и в самих мусульманских странах, откуда идет миграция. Также Сobotка отмечает необходимость отдельного изучения репродуктивного поведения мигранток во втором и третьем поколениях, признавая при этом, что данных для такого исследования статистические агентства большинства европейских стран не предоставляют.

В статье [1] обсуждаются результаты и перспективы исследований брачности и рождаемости среди мигрантов в европейских странах по состоянию на начало 2010-х годов. Важнейшие выводы относительно рождаемости, сделанные авторами на основе сопоставления результатов различных исследований, можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, для мигрантов из большинства неевропейских стран в Европе характерен заметный всплеск рождаемости в первые несколько лет после миграции, причем этот всплеск обеспечивается в основном рождением первых детей. Естественное объяснение этого всплеска состоит в том, что значительная доля миграции женщин в Европу – это «брачная» миграция.

Во-вторых, по рождаемости после первых нескольких лет в принимающей стране, а также по рождаемости второго, третьего и последующих детей разные группы мигрантов в Европе довольно существенно отличаются друг от друга. Наиболее распространенная тенденция состоит в том, что после первых лет в принимающей стране мигранты начинают в большей степени уподобляться по репродуктивному поведению коренным жителям, и что по второму и последующим детям уровень рождаемости у мигрантов не так сильно отличается от коренного населения, как по первому ребенку. Однако к этому имеется немало контрпримеров – мигрантских сообществ, в которых женщины вне зависимости от давности миграции демонстрируют значительно более высокую рождаемость, чем в принимающей стране (некоторые из таких контрпримеров мы подробно рассмотрим ниже).

В-третьих, среди мигрантов второго-третьего поколений общим трендом можно считать более полную по сравнению с их родителями адаптацию к нормам репродуктивного поведения принимающей стороны. Но и здесь есть немало контрпримеров. В частности, высокая рождаемость сохраняется у второго и третьего поколений мигрантов с Ближнего Востока в Швеции, нет полного уподобления рождаемости коренных жителей и у потомков мигрантов из Турции в Германии, и т.д. (подробнее некоторые результаты исследований рождаемости у потомков мигрантов будут изложены ниже). В статье подчеркивается, что судьба мигрантов второго-третьего поколения в развитых странах Европы в целом складывается вовсе не так блестяще, как это могли ожидать оптимистические сторонники интеграции этнических меньшинств. Многие потомки мигрантов имеют сложности с доступом к качественному образованию, с поиском работы, а также их культурная интеграция далеко не всегда идет быстрыми темпами. Поэтому мало оснований ожидать, что мигранты второго-третьего поколения будут легко адаптироваться к нормам репродуктивного поведения тех стран Европы, где они живут.

В-четвертых, неясными остаются факторы, влияющие на то, происходит ли в том или ином сообществе мигрантов адаптация к репродуктивному поведению населения принимающей страны. В целом конкурируют два объяснительных подхода. Один возводит сохраняющиеся отличия по рождаемости к социо-культурным факторам, к сохранению у мигрантов тех репродуктивных установок, которые они восприняли на родине (такой подход в целом соответствует гипотезе социализации). Другой подход объясняет отсутствие адаптации особыми социально-экономическими условиями, в которых находятся мигранты в принимающей стране – например, ограниченным доступом женщин-мигранток к получению образования и работы, высоким уровнем сегрегированности мигрантских общин, не позволяющим им воспринимать жизненные практики коренного населения и т.д. (такой подход соответствует распространенным в литературе объяснениям репродуктивных особенностей этнических меньшинств, не обязательно мигрантских – см. раздел 1.1)

1.2.2 Исследования рождаемости потомков мигрантов

В ряде работ были продемонстрированы существенные различия по характеристикам рождаемости между мигрантами в первом поколении и во втором поколении, а также наличие особенностей репродуктивного поведения у мигрантов, въехавших в принимающую страну в детстве («мигранты полукоренного поколения»). Ниже рассматриваются результаты некоторых исследований этой проблематики.

В статье [13] рассматривается репродуктивное поведение женщин-мигрантов, переехавших в Канаду, Францию или Великобританию (Англию или Уэльс) в детском возрасте (до 18 лет) в 1990-2000-е годы. Как отмечают авторы, исследование рождаемости именно у женщин, совершивших миграцию в детстве, позволяет получить более адекватную картину того, как переезд в другую страну и последующая адаптация на новом месте проживания влияют на рождаемость. Дело в том, что рождаемость у женщин-мигрантов, совершивших переезд во взрослом возрасте, существенным образом зависит от возраста переезда, от его обстоятельств, которые могут ограничить рождаемость на определенный период, а также от эффектов, предсказываемых гипотезой (см. о ней выше). Женщины, совершившие миграцию в составе семьи в детском возрасте, как ожидается, будут в большей степени свободны от влияния этих факторов: у них весь репродуктивный период проходит уже в

принимающей стране, и особенности их репродуктивного поведения позволяют более четко проследить именно эффект адаптации к ее репродуктивным нормам, в отличие от эффектов, предсказываемых другими гипотезами.

Строятся четыре типа моделей с общим числом детей у женщины в качестве зависимого параметра (в качестве источника используется переписная статистика или данные текущего учета исследуемых стран). В первом типе моделей в качестве независимой переменной, характеризующей миграционную историю женщины, используется простой дихотомический параметр "мигрант - не мигрант". Во втором типе моделей мигранты различаются по странам, откуда они прибыли. В третьем типе моделей в качестве отдельной независимой переменной добавляется возраст на момент миграции. Наконец, в четвертом типе моделей мигранты различаются и по возрасту на момент миграции, и по странам, откуда они прибыли. Такая система моделей позволяет оценить влияние на рождаемость среди мигрантов как страны, откуда совершена миграция (и тем самым рождаемости в этой стране), так и времени, проведенного в детстве в новой стране проживания. (В моделях также в качестве контрольных параметров используются переменные, кодирующие образование и брачный статус на момент исследования. Их введение в модели оправдывается тем, что адаптация мигрантов к репродуктивному поведению новой страны проживания в значительной степени зависит от полученного в этой стране образования, а также усиливается в случае заключения брака с коренным жителем этой страны.)

Основные результаты моделирования сводятся к следующему:

- во всех трех странах риски рождения у детей мигрантов выше, чем у коренных жителей, хотя соотношение рисков в разных странах разное;

- при различии в моделях детей мигрантов, прибывших из разных стран, оказывается, что риски деторождения у них разные; например, у детей выходцев из Китая, Восточной Европы и Южной Африки в Канаде и у выходцев из Китая в Англии и Уэльсе риски деторождения ниже, чем у коренного населения этих принимающих стран; риски деторождения у детей мигрантов из Туниса превышают риски деторождения у коренных жителей Франции более чем в два раза, а у детей выходцев из Турции - почти в два раза (интересно, что суммарные коэффициенты рождаемости в Тунисе и Турции превышают СКР Франции в меньших пропорциях);

- чем в более молодом возрасте женщина мигрировала в страну своего нынешнего пребывания, тем меньше риски деторождения у нее отличаются от таковых у коренного населения; это подтверждает, что на возможность адаптации к репродуктивным нормам принимающей страны влияет возраст переселения в нее.

В целом данное исследование подтвердило значение адаптации мигрантов в стране пребывания для изменения их репродуктивного поведения. С другой стороны, исследование показало, что между адаптационными "траекториями" мигрантов, прибывших детьми из различных стран, в одной и той же стране пребывания могут быть заметные различия.

В статье [35] исследуется рождаемость турецких мигрантов второго поколения в шести странах Европы – Австрии, Франции, Германии, Швеции, Швейцарии и Нидерландах (источником данных служат результаты масштабного исследования адаптации потомков мигрантов в европейских странах – The Intergration of European Second Generation (TIES), проведенное в 2006-2008 гг.; подробное изложение результатов этого исследования см. в [36]). В целом исследование не подтвердило предположений о том, что мигранты во втором поколении максимально адаптируются к принимающей стране по репродуктивному поведению. Рождаемость у турецких мигранток второго поколения во всех исследуемых странах зависела от особенностей их родительской семьи и воспитания: риски рождения первого ребенка были выше у тех, кто в детстве получил мусульманское воспитание, а также эти риски были тем выше, чем больше родных братьев/сестер было у женщины. Очевидно, что все это позволяет говорить об эффектах социализации, но такой социализации, которая задается особенностями семьи или этнической общины, но не страны в целом. Как отмечается в статье, отличия турецких мигранток второго поколения от коренных жительниц принимающих стран по рискам рождения первого ребенка хорошо согласуются с имеющимися различиями между ними по таймингу: дочери уроженцев Турции в исследуемых странах вступают в брак в среднем в гораздо более молодом возрасте, чем коренные жительницы. Также они имеют значительно более низкую долю внебрачной рождаемости.

Сохранение «особости» репродуктивного поведения у турецких мигранток второго поколения, однако, соседствует с другим важным фактом: риски рождения первого ребенка у них существенно варьируют в зависимости от страны проживания. В Германии и Швейцарии они существенно ниже, чем в Австрии, Швеции,

Нидерландах и Франции. В таком же соотношении (за исключением Австрии) находятся и риски рождения первого ребенка в этих странах у контрольных групп коренных жителей, включенных в исследование. Это можно рассматривать как свидетельство адаптации мигранток второго поколения. Но, как видно из статьи, данный процесс далек от завершения. Важность эффектов социализации, демонстрируемая в статье, показывает также, что для репродуктивного поведения мигранток во втором поколении больше значение имеют условия, в которых проходят детство и юность мигранток. А эти условия, очевидно, во многом определяются тем, насколько мигрантская община «отделена» от коренных жителей, насколько она сохраняет свои собственные этнокультурные нормы.

Интересные результаты рождаемости среди детей мигрантов в Швеции изложены в статье [37]. На основе данных Статистического агентства Швеции по репродуктивным историям всех родившихся в стране женщин за 1998-2012 годы, в статье сопоставляются риски рождения детей разных порядков у женщин, чьи родители – уроженцы Швеции, и у женщин, у которых хотя бы один из родителей является мигрантом (см. таблицу 5). Риски рождения первых детей у мигранток второго поколения, независимо от страны происхождения, оказались ниже, чем у женщин, чьи родители были уроженцами Швеции (исключение составили лишь женщины турецкого происхождения, но и у них риски были выше, чем у потомков уроженцев Швеции, менее чем на 10%). Пониженные риски рождения первого ребенка наблюдаются и у женщин, чьи родители являются выходцами из регионов мира, рождаемость в которых заметно превышает шведскую – например, с Ближнего Востока, из Северной Африки, из Африки к югу от Сахары. Не меняется заметным образом такое соотношение рисков и для рождения второго ребенка. И только для рождения третьего ребенка потомки выходцев из этих регионов мира получают превосходство над потомками уроженцев Швеции. При этом введение в модель социально-экономических параметров, отражающих уровень образования и положение на рынке труда, эти соотношения рисков почти не меняет.

Таблица 5 - Риски рождения детей разных порядков и у мигрантов второго поколения в Швеции в 1998-2012 гг. (в сопоставлении с потомками уроженцев Швеции) [37]

Регион происхождения	Риск рождения первого ребенка	Риск рождения второго ребенка	Риск рождения третьего ребенка
Африка южнее Сахары	0,73***	0,83***	1,24**
Северная Африка	0,77***	0,83***	1,39***
Ближний Восток	0,96	1,08**	1,56***
Турция	1,06***	0,94**	1,26***

p<0,05, *p<0,001

Авторы предполагают, что пониженные риски рождения первого ребенка у потомков мигрантов говорит о трудностях, которые они испытывают при создании семьи в молодом возрасте. Это может быть связано с их в целом более слабым положением на рынке труда, чем у потомков коренных жителей Швеции. Пониженные риски рождения второго ребенка могут говорить о том, что потомки мигрантов меньше, чем потомки коренных жителей, адаптированы к шведской системе государственной поддержки семьи, в рамках которой женщина получает значительные выгоды, если рождает первого и второго ребенка с малыми интервалами. При таком объяснении пониженные риски рождения первого и второго ребенка, по существу, производны от положения этнического меньшинства с низким социальным статусом, в котором находятся потомки мигрантов. С другой стороны, в повышенных рисках рождения третьих детей естественно увидеть подтверждение гипотезы социализации, если таковая происходит у детей мигрантов внутри этнической общины и прививает им нормы репродуктивного поведения, отличающиеся от шведских. Но получается, что результаты такой социализации в виде рождения большего числа детей видны только у тех потомков мигрантов, кто успешно преодолел трудности создания семьи и рождения первых детей. Таким образом, в рамках предложенного авторами объяснения возникает достаточно сложная картина, при которой рождение детей разных порядков определяется разными факторами.

1.2.3 Рождаемость мигрантов в Великобритании

Великобритания относится к числу стран, где рождаемость среди мигрантов изучена наиболее детально. Объектом изучения в основном является рождаемость наиболее крупных диаспор – сформировавшихся или активно пополнявшихся в стране во второй половине 20 века. Это выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш, стран Карибского бассейна, Африки. В последние полтора десятилетия предметом исследований стала и рождаемость мигрантов из Польши и Прибалтики, число которых начало расти в Великобритании после вступления этих стран в Евросоюз.

Рождаемость иностранных мигрантов в Великобритании в последние десятилетия 20-го – начале 21-го века подробно рассматривается в статье [38]. Данные, анализируемые в статье, основаны на ряде источников, обычно не рассматриваемых в демографии в качестве первостепенных. Дело в том, что проводимые в Великобритании всеобщие переписи населения во второй половине 20-го века не содержали в переписном листе вопроса о национальной принадлежности (он появился только в опросном листе переписи 1991 года). При государственной регистрации рождений национальная принадлежность родителей в стране также не фиксируется. Следовательно, выявить мигрантов и их детей по этим источникам невозможно. Однако в Великобритании имеется ряд вспомогательных регистров населения, в которых информация о национальной принадлежности находит отражение. Это, в частности, ежегодно обновляемый регистр Обследования рабочей силы (Labor Force Survey), где фиксируется половозрастной состав домохозяйств. Авторы обосновывают методику расчета, позволяющую получить оценку суммарных коэффициентов рождаемости для различных этнических групп на основе данного регистра (так называемый «метод собственных детей»/own children method; его подробное обоснование см, в [39]).

Работу с полученными таким образом данными авторы ограничивают описательной статистикой. В целом, выясняется, что мигранты из разных стран, рождаемость в которых существенно выше британской, различаются по репродуктивному поведению в Великобритании. Так, если у выходцев из Индии или из стран Карибского бассейна рождаемость в исследуемый период находилась на уровне, близком к общему для Великобритании, то выходцы из Пакистана и Бангладеш сохраняли значительно более высокие уровни рождаемости. При этом авторы отмечают, что даже при большом сходстве между рождаемостью в некоторой

диаспоре и в стране, откуда ее представители совершили миграцию, рождаемость в диаспоре может отличаться от рождаемости на «исторической родине» по возрастным характеристикам. Так, у выходцев из Бангладеш в Великобритании в конце 20 века заметно ниже был коэффициент рождаемости в молодых возрастах (до 20 лет), чем в самой Бангладеш.

Авторы не ставят задачи моделирования факторов, влияющих на сценарии изменения репродуктивного поведения в диаспоре. Они лишь предлагают некоторые возможные объяснения различиям этих сценариев. Как отмечается в статье, социально-экономические объяснения репродуктивного поведения предполагают, что при конвергенции экономических условий, в которых находятся мигранты и другие жители страны, различия по рождаемости между первыми и вторыми будут стремительно стираться. Поскольку в Великобритании в общем случае такого стирания не происходит, социально-экономические объяснения авторы признают, как минимум, недостаточными. Альтернативные объяснения, которые они предлагают, связаны, например, с религиозным фактором. Так, в статье утверждается, что «сельский ислам», доминирующий в тех провинциях Пакистана и Бангладеш, откуда идет наиболее интенсивная миграция в Великобританию, отличается установкой на малое участие женщин в трудовой деятельности и предпочтением к бракам, заключаемым при участии старших родственников, а эти обычаи, в свою очередь, ведут к высокой рождаемости, в том числе и после миграции. Также авторы говорят о зависимости репродуктивного поведения национального меньшинства от вырабатываемых его представителями стратегий «закрепления» в новой для себя стране (напомним, однако, что эти стратегии могут включать в себя установки как на повышение, так и на понижение рождаемости – см. раздел 1).

Среди общих закономерностей репродуктивного поведения всех групп мигрантов в Великобритании авторы отмечают в той или иной степени пониженный уровень рождаемости среди мигрантов первого поколения по сравнению со страной, откуда они совершили миграцию, а среди мигрантов второго поколения – по сравнению с мигрантами первого поколения. Это в целом подтверждает гипотезу адаптации, но имеющих различий по рождаемости между разными диаспорами эта гипотеза не объясняет.

В статье [17] сопоставляется динамика рождаемости у первого и второго поколения мигрантов из различных стран, проживающих в Великобритании.

Источником данных снова служит исследование Labour Force Survey. Наиболее общий результат анализа, представленного в статье, состоит в том, что в 1980-2000-е годы в Великобритании имело место постепенное сокращение рождаемости этнических меньшинств, прибывших их стран, рождаемость в которых существенно выше британской. В таблице 6 сопоставляется рождаемость коренных британцев и ряда этнических меньшинств в 1987-1997 и 1998-2006 (даются средние суммарные коэффициенты рождаемости для указанных периодов; они рассчитаны вне зависимости от того, родилась ли женщина в Великобритании или мигрировала в эту страну):

Таблица 6 - Суммарные коэффициенты рождаемости ряда этнических групп в Великобритании, 1987-2006 (рассчитаны на основе данных Labour Force Survey 2001-2006) [17]

	1987-1997	1998-2006	Изменение (%)
Коренные британцы	1,79	1,74	-2,9
Иммигранты из Пакистана и их потомки	3,16	2,89	-9,3
Иммигранты из Индии и их потомки	1,75	1,67	-4,8
Иммигранты из Бангладеш и их потомки	4,12	3,15	-30,8

При этом существенный вклад в снижение уровня рождаемости у этнических меньшинств вносят именно потомки мигрантов, то есть мигранты второго поколения. В таблице 7 сопоставляется средние суммарные коэффициенты рождаемости за 1987-2006 у тех же этнических меньшинств, что и в таблице 6, но с различием женщин, мигрировавших в Великобританию, и женщин, родившихся уже в Великобритании. В качестве базы сравнения используется средний суммарный коэффициент рождаемости у этих же меньшинств для 1970-х годов, то есть периода, когда абсолютное большинство женщин детородного возраста среди этих этнических меньшинств были мигрантами в первом поколении. Как видно из таблицы, у женщин,

родившихся в Великобритании, снижение суммарного коэффициента рождаемости после 1970-х годов шло быстрее.

Таблица 7 - Суммарные коэффициенты рождаемости ряда этнических меньшинств в Великобритании, с учетом миграционного статуса (рассчитаны на основе данных Labour Force Survey 2001-2006) [17]

	Средний СКР в 1970-е гг.	Средний СКР в 1987-2006 гг.		Изменение по сравнению с средним СКР в 1970-е гг. (%)	
		Иммигранты	Родившиеся в Великобритании	Иммигранты	Родившиеся в Великобритании
Индия	2,47	1,90	1,67	-23,1	-32,4
Пакистан	5,02	3,37	2,65	-32,9	-47,2
Бангладеш	6,18	3,83	2,64	-38,0	-57,3

Также между мигрантами первого и второго поколений наблюдаются заметные различия по возрастным характеристикам рождаемости. Так, у женщин, прибывших из Бангладеш, максимальный средний возрастной коэффициент рождаемости для 1987-2006 годов фиксировался для возрастной группы 20-24 года, тогда как у мигрантов второго поколения бангладешского происхождения, как и у коренных британок, максимальная рождаемость фиксировалась в промежутке 25-29 лет. Одно из объяснений этому может состоять в том, что у мигранток второго поколения выше доля тех, кто в возрасте 18-25 был учащимся (в 2002-2006 гг. среди бангладешских мигранток первого поколения доля таковых составляла менее 10%, а среди мигранток второго поколения – более 35%).

Эти данные позволяют говорить о том, что по мере адаптации в новой стране мигрантские сообщества постепенно приближаются по репродуктивному поведению к коренным жителям этой страны. Интересно при этом, что скорость адаптации обратно пропорциональна разрыву по рождаемости между Великобританией и исторической родиной мигрантов. В интервале с 1980 по 2006 год наибольшее сокращение рождаемости наблюдалось среди бангладешцев, а наименьшее из трех исследуемых групп – среди индийцев.

Однако адаптация – не единственная тенденция «мигрантской» рождаемости, обнаруживаемая в Великобритании. Сравнив возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, совершивших миграцию в Великобританию в 1987-2006 гг., в период до и после миграции, автор обнаружил, что для всех возрастов «домиграционные» коэффициенты были ниже, чем «послемиграционные». Это показывает, что миграционные намерения влияют на репродуктивное поведение, заставляя, по-видимому, откладывать деторождение до переезда в новую страну. Такое наблюдение согласуется с гипотезой селективности, хотя и не подтверждает ее в полной мере, поскольку нет сопоставления с рождаемостью женщин, оставшихся в тех странах, откуда совершена миграция.

В статье Robards, Berrington 2016 рождаемость среди мигрантов в Британии исследуется для более современного периода (2001-2011 годы). В этот период общий вклад мигрантов в рождаемость в Англии и Уэльсе (материалом которых ограничивается данная статья) существенно вырос: доля детей, рожденных женщинами, мигрировавшими из других стран, поднялась с 16,4% в 2001 году до 25,5% в 2011 году. К мигрантам из таких «традиционных» для переезда в Великобританию регионов мира, как Южная Азия, Африка, добавились мигранты из стран, вступивших в 2004 году в Евросоюз (среди них особенно интенсивной миграцией в Англию отличалась Польша).

Авторы ставят своей целью ответить на два вопроса: (1) сохранились ли в этот период различия по рождаемости между мигрантами, прибывшими из разных стран; (2) влияет ли на репродуктивное поведение женщин, мигрирующих в Великобританию, число лет, прошедших с момента миграции. То есть, по существу, в статье проверяется «сохранность» в более поздние годы тех явлений, которые были зафиксированы в Великобритании в 1990-е годы и начале 2000-х в рассмотренных выше работах.

Для ответа на оба вопроса авторы вводят специальные показатели – «возрастные» коэффициенты рождаемости для женщин-мигранток, определяемые не по числу прожитых лет, а по количеству лет до и после миграции. Эти коэффициенты авторы вычисляют отдельно для мигранток, прибывших из разных регионов мира, и отдельно для разных возрастных групп (вычисления производились на основе данных лонгитюдного исследования, проводившегося Национальным офисом статистики Великобритании и охватившего 1% населения страны). Возрастные коэффициенты

для мигранток из разных стран рассчитываются по годам в промежутке от пяти лет до миграции до пяти лет после миграции. При этом они отдельно считаются для женщин возрастов 20-24, 25-29 и 30-34 на момент миграции.

Из наблюдений над динамикой таких показателей наиболее значимыми оказались следующие:

- у выходцев из Пакистана и Бангладеш в возрасте до 30 лет имеется очень заметный скачок рождаемости в первые три года после миграции; рождаемость в этот период превышает домиграционную в 5-6 раз, а в последующие периоды постепенно снижается;

- у выходцев из Польши, напротив, рождаемость падает в первые два года после миграции и затем постепенно восстанавливается;

- у женщин до 30 лет, независимо от страны, из которой они прибыли, возрастные коэффициенты рождаемости по крайней мере через 3-4 года после миграции становятся выше, чем коэффициент рождаемости уроженок Англии и Уэльса для соответствующей возрастной группы; даже у женщин, прибывших из Польши, у которых на самом начальном этапе миграции рождаемость падает, через 3-4 года она превышает «английскую»;

- у женщин до 30 лет, независимо от страны, средний уровень рождаемости в течение пяти лет после миграции выше, чем в течение пяти лет до миграции.

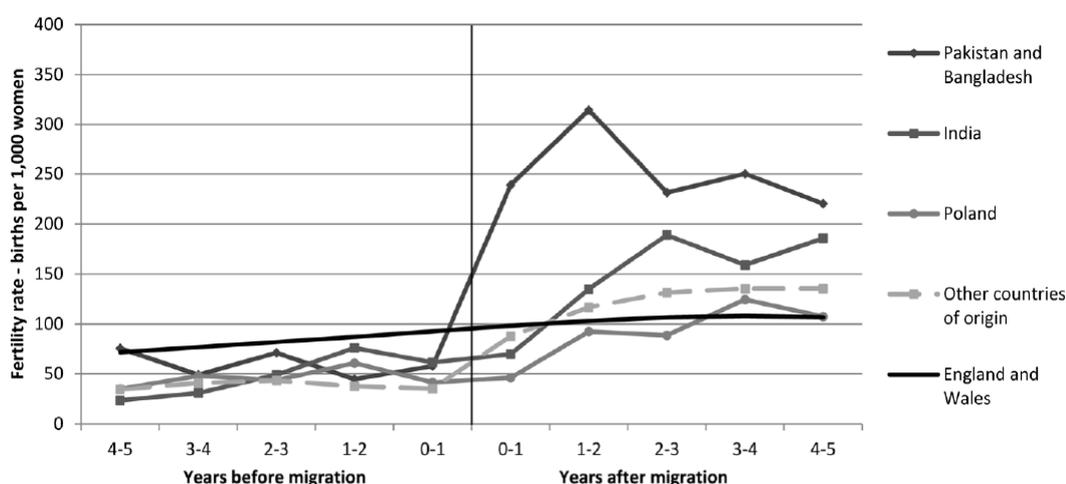

Рисунок 1 - Коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин) для женщин, мигрировавших в Англию и Уэльс в 2001-2011 гг. в возрасте 25-29 лет, для разных лет до и после миграции¹ (Office of National Statistics Longitudinal Study)

[40]

¹ На рисунке 1 и 2 также даются средние значения возрастных коэффициентов рождаемости для всех женщин, проживающих в Англии и Уэльсе, за 2001-2011 годы. Коэффициенты рождаемости мигрантов для определенного числа лет до или после выезда сравниваются с общестрановым коэффициентом рождаемости для тех возрастов, в которых находится соответствующая группа мигрантов на данном временном расстоянии от момента выезда. Например, коэффициенты рождаемости для мигрантов, въехавших в страну в возрасте 20-24 лет, через 1-2 года после миграции, сравниваются со средним общестрановым коэффициентом рождаемости для женщин 21-25 лет за 2001-2011 годы.

c) Aged 30-34 years at date of migration

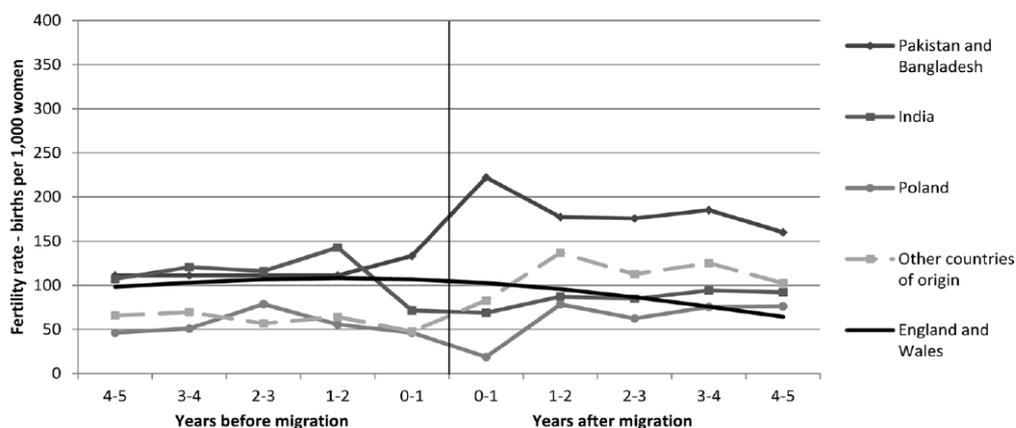

Рисунок 2 - Коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин) для женщин, мигрировавших в Англию и Уэльс в 2001-2011 гг. в возрасте 30-34 лет, для разных лет до и после миграции (Office of National Statistics Longitudinal Study) [40]

Таким образом, исследование показало, что и в 2000-е годы в Великобритании рождаемость среди мигрантов дифференцировалась по регионам мира, откуда они прибыли, что согласуется с гипотезой социализации. С другой стороны, подтвердилось и то, что первые годы после миграции – это период «особого» репродуктивного поведения, отличающегося и от домиграционного, и от того, которое наблюдается в последующие годы. При этом конкретный характер отличий бывает разным в зависимости от стран происхождения мигрантов, что может быть связано с их различиями по целям миграции. Так, уроженки Польше чаще едут в Англию для работы, а уроженки Пакистана и Бангладеш – с целью создания или воссоединения семьи. Поэтому вполне ожидаемо, что первые будут откладывать рождаемость сразу после переезда, а вторые – нет. Наконец, подтвердилось и то, что в домиграционный период женщины стремятся ограничить рождаемость. Все это в целом можно считать подтверждением гипотезы селективности.

Частичное подтверждение гипотезы социализации относительно иммиграции в Великобританию демонстрируется и в работе [41], где показано, что более высокая по сравнению с коренными жителями Великобритании рождаемость у выходцев из Пакистана и Бангладеш не может быть полностью объяснена особым социально-экономическим положением этих мигрантов и по крайней мере частично связана с усваиваемыми ими в детстве репродуктивными установками.

1.2.4 Рождаемость мигрантов в Германии

Германия наряду с Великобританией является одним из основных «магнитов» мировой миграции, хотя и заметно отличается от последней по набору стран, откуда миграция идет наиболее активно. Как отмечается в [43], в последней трети 20-го – начале 21 века главными «поставщиками» мигрантов в Германию были Турция, бывшая Югославия, страны Южной Европы и Польша. Рождаемость мигрантов в стране в этот период почти монотонно снижалась, о чем говорят, как периодный показатель (см. таблицу 8), так и когортные показатели по выходцам из некоторых стран (см. таблицу 9). Однако сложность для анализа репродуктивного поведения мигрантов состоит в том, что и в странах, откуда шла миграция, в этот период также имело место заметное снижение рождаемости (см. таблицу 10). Снижение рождаемости у мигрантов в такой ситуации, вообще говоря, может рассматриваться либо как результат влияния новых условий, в которых попадают мигранты в принимающей стране, либо как отражение тех изменений репродуктивного поведения, которые имеют место в родных для мигрантов странах.

Таблица 8 - Динамика Суммарного коэффициента рождаемости среди женщин с гражданством ФРГ и женщин с иностранным гражданством, проживающих в ФРГ, 1970-2006 (расчеты на основе данных официальной статистики; источник – [43])

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006
Гражданки ФРГ	2,00	1,34	1,37	1,25	1,37	1,24	1,33	1,30	1,29
Гражданки других государств, зарегистрированные в ФРГ	2,11	2,65	2,36	1,67	2,18	1,81	1,87	1,69	1,66

Таблица 9 - Среднее число рожденных детей у мигранток различных когорт (по данным выборочного опроса Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany, 2006-2007; источник – [43])

Года рождения	Турция	б.Югославия	Италия	Греция	Польша
1940 г.р. и старше	4,22	2,64	2,50	2,21	н/д
1941-1950	3,70	2,13	2,38	1,93	1,45

Продолжение таблицы 9

1951-1960	3,17	1,97	2,46	2,12	1,61
1961-1965	2,92	1,77	1,79	2,08	1,38

Таблица 10 - Динамика Суммарного коэффициента рождаемости в Германии и в ряде стран, откуда идет миграция, 1960-2010 (средние СКР за пять лет; источник – United Nations Population Division)

Годы	Германия	Турция	б. Югославия	Италия	Польша
1960-1964	2,49	6,05	2,89	2,47	2,65
1965-1969	2,32	5,67	2,64	2,52	2,27
1970-1974	1,64	5,46	2,39	2,35	2,25
1975-1979	1,52	4,72	2,29	1,94	2,26
1980-1984	1,46	3,98	2,11	1,54	2,33
1985-1989	1,43	3,28	1,96	1,34	2,15
1990-1994	1,31	2,90	1,71	1,28	1,89
1995-1999	1,34	2,57	1,62	1,22	1,48
2000-2004	1,35	2,23	1,49	1,26	1,25
2005-2010	1,32	2,13	1,45	1,38	1,27

Однако некоторые данные дескриптивной статистики указывают на то, что снижение рождаемости среди мигрантов в Германии по крайней мере отчасти связано именно с процессами адаптации мигрантов к репродуктивному поведению в принимающей стране. Об этом говорят, в частности, результаты выборочного исследования Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany, 2006-2007 (см. о нем [43]). Согласно данным этого исследования, рождаемость у женщин-мигранток заметно падает, если партнер – уроженец Германии, а также если женщина отрицает наличие у себя «сильных эмоциональных связей» с исторической родиной. То есть снижение рождаемости ускоряется благодаря тем факторам, которые ослабляют зависимость женщины от социо-культурных норм и образцов поведения, принятых на ее исторической родине.

Исследования, проведенные с помощью статистического анализа, подтверждают наличие адаптационных процессов в репродуктивном поведении мигрантов в Германии. Так, в статье [44] сопоставляются риски рождений первого и последующих детей у турецких мигрантов в Германии (на основе данных проведенного в Германии в 2005-2006 гг. международного исследования Generations and Gender Survey). Моделирование показало, что риски деторождений, особенно первого деторождения, сильно повышаются в первые 2-3 года пребывания в Германии, а затем постепенно снижаются. Это, с одной стороны, позволяет предположить, что заметная доля миграций из Турции в Германию совершается с целью создания семьи. С другой стороны, поступательное сокращение рисков в последующие годы согласуется с теорией адаптации.

Оригинальные пути проверки гипотез адаптации и социализации предложены в статье [14]. В этой работе исследуются переходы ко второму и третьему ребенку среди женщин-мигранток 1946-1983 годов рождений, проживавший в Германии по крайней мере какой-то период между 1984 и 2004 годами (работа основана на данных лонгитюдного исследования, проводившегося в указанный период в Германии). Исследуются мигрантки из Турции и из стран Южной Европы.

Автор различает мигранток первого и второго поколения (ко второму поколению относятся как женщины, родившиеся в Германии, если по крайней мере один из их родителей был мигрантом из указанных стран, и женщины, переселившиеся в Германию в возрасте до 15 лет), а среди мигранток первого поколения – тех, кто переселился в Германию, не имея детей, или уже будучи матерью на момент миграции. Модели строятся отдельно для перехода ко второму и к третьему ребенку.

Различение мигранток, переселившихся в Германию с детьми и без, дает возможность нестандартной проверки гипотезы адаптации. Автор исходит из предположения, что, если женщина въехала в страну, еще не начав свою репродуктивную историю, она имеет больше шансов на адаптацию к нормам репродуктивного поведения, действующим в этой стране. Следовательно, если риски постмиграционного деторождения у женщин, въехавших в Германию бездетными, ближе к таким рискам для коренных жительниц Германии, чем риски деторождения у женщин, въехавших в Германию уже с детьми, это является подтверждением гипотезы адаптации. Исследуемые автором данные подтверждают это

предположение: и для второго, и для третьего ребенка риски деторождения у женщин, родивших первого ребенка до приезда в Германию, значимо выше, чем у женщин-мигранток, родивших первого ребенка в Германии, а у последних, в свою очередь, эти риски выше, чем у коренных жителей Германии. Следует при этом отметить, что конкретного описания адаптационных механизмов, которые воздействовали бы на мигранток, не имеющих детей, более эффективно, чем на мигранток, уже имеющих детей, автор не приводит.

Различение мигранток разных поколений позволяет автору сделать интересные выводы относительно действия гипотезы социализации. В рамках построенных в статье моделей эта гипотеза проверяется через сравнение значимости страны происхождения для рисков деторождения у мигранток первого и второго поколения: у мигранток второго поколения в рамках гипотезы социализации эти риски должны быть ниже, поскольку по крайней мере часть этих мигранток в детстве и юности усваивает социо-культурные нормы принимающей страны. Такое предположение, однако, проведенным автором исследованием подтверждается лишь отчасти. Как и ожидается, параметр страны происхождения оказался значимым для мигранток первого поколения при переходе как ко второму, так и к третьему ребенку. Что же касается мигранток второго поколения, то картина оказалась более сложной. Если при переходе *ко второму ребенку* не было обнаружено значимых различий по рискам между мигрантками второго поколения (независимо от страны происхождения) и коренными жительницами Германии, то при переходе *к третьему ребенку* у мигранток второго поколения турецкого происхождения риски оказались значимо и существенно выше, чем у коренных жительниц Германии. Стремясь объяснить это, автор предположил, что для социализации детей мигрантов из Турции в Германии большую роль играет национальная община. Отметим, что конкретных доказательств этому, как и объяснения значимости страны происхождения для мигранток второго поколения только при переходе к третьему, но не второму ребенку в статье не содержится.

1.2.5 Рождаемость мигрантов в Швеции

Интенсивная международная миграция в Швецию наблюдалась на протяжении всей второй половины 20 века и продолжается в настоящее время. Швеция отличается

большим набором стран, выходцы из которых составляют в ней значительные по размерам диаспоры. Самые «старые» диаспоры образуют выходцы из других скандинавских стран и с Балкан. Позднее крупные диаспоры образовали выходцы из Южной Азии, Африки, стран Ближнего Востока.

В статье [11] рассматривается рождаемость среди мигрантов в Швеции. На базе официальных данных о рождаемости среди выходцев из разных стран, мигрировавших в Швецию с 1961 по 1999 годы, автор сопоставляет риски деторождений у мигрантов и коренного населения Швеции (используется модель пропорциональных рисков; см. о ней ниже). Отметим, что исследование рождаемости среди мигрантов в Швеции имеет высокую актуальность из-за большой репродуктивной активности мигрантов в этой стране: на конец 1990-х, около 17% детей, родившихся в Швеции, были рождены женщинами, которые сами родились в другой стране.

Автор показывает, что соотношение рисков деторождения у мигранток и женщин, родившихся в Швеции, – разное в зависимости от того, идет ли речь о рождении первого ребенка или последующих детей. Риск рождения первого ребенка на протяжении всего периода с 1961 по 1991 год у мигранток был выше, чем у коренных жительниц, а риски рождения второго и третьего детей у двух групп женщин весь этот период были весьма близки, обнаруживая при этом почти всегда сходную динамику.

Такое сопоставление, однако, можно считать слишком «грубым» потому, что в нем не различаются мигранты из разных стран (таблица 11). Поэтому автор также рассматривает среднегодовые риски рождений первого, второго и третьего ребенка у мигранток из различных государств в сопоставлении с женщинами, родившимися в Швеции. По выходцам из разных стран картина получается очень неоднородной. Самые высокие риски деторождения сравнительно с женщинами, родившимися в Швеции, у мигранток из арабских стран, Пакистана, Бангладеш, Афганистана и Сомали. Также достаточно заметный «отрыв» у мигранток из Филиппин и стран Индокитая. При этом и в страновом разрезе соотношение рисков может быть разным для первого и последующих детей. Так, мигрантки из Югославии более чем в два раза превосходят уроженок Швеции по рискам рождения первого ребенка, но почти сравниваются с ними по рискам рождения последующих детей. Аналогичная ситуация наблюдается у мигранток с Филиппин. Наоборот, у выходцев из Сомали и

Эфиопии наибольший «отрыв» от уроженок Швеции – по рискам рождения третьего ребенка. Эти данные показывают, что в Швеции мигрантки (по крайней мере, первого поколения) сохраняют различия по репродуктивному поведению в зависимости от страны происхождения. Это автор объясняет тем, что мигрантки в значительной степени следуют тем репродуктивным установкам, которые они приобрели на родине, подтверждая тем самым гипотезу социализации.

Таблица 11 - Относительные риски (odds ratios) рождения детей разных порядков у мигранток из различных стран в Швеции относительно коренных жительниц Швеции, 1961-1999 (расчеты на основе данных государственной статистики) [11]

Страна рождения женщины	Риски рождения 1 ребенка в возрасте до 31 года	Риски рождения 1 ребенка в возрасте 31 год и старше	Риски рождения 2 ребенка	Риски рождения 3 ребенка
Швеция	1	1	1	1
Польша	1,53**	1,31**	0,57**	0,70**
б.Югославия	2,24**	1,08**	0,93**	0,74**
Греция	2,17**	0,98	1,21**	0,72**
Турция	3,67**	1,37**	1,21**	1,87**
Арабские страны	3,84**	1,97**	1,46**	2,55**
Пакистан, Бангладеш, Афганистан	3,06**	1,52**	1,10**	1,84**
Индия, Шри Ланка	1,43**	1,74**	0,88**	1,21**
Филиппины	2,32**	1,60**	0,64**	1,23**
Эфиопия	1,20**	1,07	1,12**	2,16**
Сомали	3,80**	1,52**	2,54**	5,68**

**p<0,05

Помимо страны происхождения, на риски деторождения среди мигранток в Швеции влияет длительность времени, проведенного мигранткой в новой для себя стране. Исследование показало, что риски деторождения по сравнению с женщинами, родившимися в Швеции, значительно выше у мигранток, проведенных в Швеции менее трех лет. Иными словами, риски деторождения особенно высоки в первые годы после миграции. На четвертом году проживания в Швеции и позднее разница по рискам

деторождения у мигранток и коренных жительниц почти исчезает. Такой эффект наблюдается у женщин практически всех стран происхождения. Это показывает, что миграция и деторождение в «жизненной истории» многих мигранток тесно переплетены во времени. Выше мы уже видели, что подобный эффект фиксируется не только в Швеции и может иметь несколько объяснений, среди которых – намеренное откладывание деторождения в период, предшествующий миграции; заключение брака как распространенная цель миграции женщин («брачная миграция»); стремление мигранток как можно скорее родить ребенка, чтобы в более полном объеме пользоваться предоставляемыми в стране проживания социальными услугами. Интересно при этом, что если для Швеции сопоставить риски рождения детей разных порядков в разные годы после миграции, то выяснится, что наиболее высокие риски рождения в первые годы по приезде в страну наблюдаются для первого ребенка. Это говорит в пользу предположения о том, что заметная доля международной миграции в Швецию – «брачная».

В статье [45] делается довольно редкая для исследований попытка изучить связь рождаемости среди мигрантов с их положением на рынке труда. Швеция отличается от многих европейских стран тем, что у ее жительниц размер трудового дохода и число детей связаны позитивно. Это объясняется, среди прочего, зависимостью размера социальных выплат женщина в первый год после рождения ребенка от размера ее предшествующего заработка. Исследование показало, что у мигрантов из разных регионов мира в Швеции также наблюдается такая позитивная зависимость (исследовалась связь уровня трудового дохода с рисками рождения первого ребенка). Этот результат позволяет говорить об эффекте адаптации мигрантов к репродуктивному поведению принимающей стороны, но адаптации не по количеству детей или таймингу рождений, а по факторам, на основе которых принимаются репродуктивные решения. Интересно, что подобная адаптация наблюдается у мигрантских сообществ, довольно сильно отличающихся друг от друга по уровню рождаемости и явно не адаптировавшихся по нему к общестрановым тенденциям.

1.2.6 Рождаемость мигрантов в Италии

По набору стран, выходцы из которых образуют в ней крупные диаспоры, Италия заметно отличается от своих северных соседей по европейскому континенту.

Миграция в нее в основном идет из некоторых балканских стран, преимущественно Албании и Румынии, и стран Северо-Западной Африки. Миграция заметно интенсифицировалась в последней четверти 20 века.

В статье [46] показана значимость страны происхождения для рождаемости мигрантов из трех стран – Албании, Марокко и Румынии – в Италии. Рождаемость мигрантов из этих стран исследуется на основе данных государственной системы регистрации рождений. Выбор стран происхождения связан с тем, что в них по состоянию на середину 2000-х фиксировались разные уровни рождаемости (наиболее высокий – в Марокко, наиболее низкий – в Румынии), причем похожее соотношение уровней рождаемости сохранялось и среди мигрантов из этих стран в Италии. Авторы предполагают, что эффекты социализации могут наблюдаться вместе с эффектами адаптации, то есть сохранение отличий по рождаемости, зависящих от страны происхождения, может идти одновременно с постепенным уподоблением мигрантов из разных стран коренным жителям принимающей страны по характеристикам рождаемости. При этом, согласно их гипотезе, механизмы адаптации могут действовать как через «эффект времени» (репродуктивное поведение мигрантки тем больше уподобляется репродуктивному поведению в стране проживания, чем дольше она там живет), так и через «эффект партнера» (адаптация идет быстрее, если партнер – уроженец той страны, в которой проживает мигрантка).

Исследуемая авторами характеристика репродуктивного поведения – риски рождения второго ребенка в период 2003-2006 гг. у мигранток из трех указанных стран, родивших первого ребенка в 2003 году. Построенные авторами модели показывают, что эти риски значимо уменьшаются у мигранток из всех трех стран по мере увеличения периода времени, проведенного в Италии. Также значимо снижаются риски рождения второго ребенка, если партнер является уроженцем Италии. То есть модели подтвердили действие обоих ожидаемых авторами эффектов адаптации. При этом если, наряду с параметрами длительности пребывания в Италии и происхождения партнера, в модель вводился параметр происхождения (страны) самой женщины-мигрантки, то этот параметр также оказывался значимым. Это подтверждает уже наличие эффекта социализации, наблюдаемого наряду с эффектом адаптации. Оказывается также, что происхождение партнера может усиливать не только адаптационный эффект (в случае, если партнер – уроженец Италии), но и эффект социализации. Дело в том, что у мигранток, прибывших из стран с более

высокой рождаемостью, чем Италия (в данном исследовании - из Албании и Марокко), риски рождения второго ребенка повышаются, если партнер – уроженец страны, в которой родилась мигрантка.

Таким образом, исследование показало, что гипотеза селективности может находить подтверждение в репродуктивном поведении мигрантов в том числе и при сохранении эффектов адаптации. (Интересно отметить также, что в данной статье изучено и влияние обстоятельств миграции на репродуктивное поведение. С одной стороны, вполне ожидаемо выяснилось, что если миграция совершена женщиной для создания или воссоединения семьи, то риски второго деторождения выше, чем в случае трудовой миграции. С другой стороны, оказалось, что легальный статус мигрантки в Италии на эти риски практически не влияет. Это авторы объясняют принятыми в 1998 году поправками в итальянское законодательство, гарантирующие медицинскую помощь мигрантам независимо от их юридического статуса.)

Оригинальный способ оценки гипотезы адаптации предложен в статье [47]. Суть этого способа состоит в том, чтобы сравнить риски деторождения и значимые для них параметры для мигрантов, въезжающих в какие-либо две разные страны, и для коренного населения этих двух стран. Если обнаружится, что параметры, значимые для рисков деторождения у двух групп мигрантов, совпадают, а параметры, значимые для рисков деторождения у коренного населения данных двух стран, различаются, это позволит говорить о некоей единой репродуктивной траектории мигрантов, задаваемой именно фактом миграции, а не особенностями рождаемости в конкретной принимающей стране. Тем самым действенность механизма адаптации была бы поставлена под сомнение, вместо него следовало бы говорить о некоем общем механизме, определяющем репродуктивное поведение мигрантов в противоположность немигрантам безотносительно к стране пребывания. В данной статье сопоставление ограничено мигрантами и коренным населением в России и Италии в конце 20-го – первые годы 21 веков (по данным проведенных в этих странах крупных количественных опросов). Обнаружилось, что в двух странах соотношения рисков рождения первого ребенка мигрантами и немигрантами распределены по-разному. В Италии у мигрантов риски выше в более молодых возрастах и ниже в более старших, при этом суммарный риск для мигрантов несколько ниже, чем для коренных жителей. В России (рассматривается в основном миграция из Украины, Белоруссии и Казахстана) у мигрантов ниже риски деторождения во всех возрастах. При этом в

Италии мигранты отличаются от коренных жителей по связи рисков первого деторождения с различными социальными параметрами. А именно, у мигрантов наличие университетского образования увеличивает риск первого деторождения, а укоренных жителей Италии – снижает его. Кроме того, у мигрантов проживание в пригородах мегаполисов значительно снижает риск деторождения, а у коренных жителей – нет. Что касается России, то там значимых отличий по параметрам, влияющим на риск первого деторождения, между мигрантами и коренными жителями нет. При этом для мигрантов в Италии и России состав параметров, значимо связанных с рисками деторождения, почти идентичен. Распределение рисков по возрастным группам у мигрантов в двух странах также оказалось очень близким, отличаясь в обоих случаях от возрастного распределения для коренных жителей. Это указывает на сходство репродуктивных стратегий двух групп мигрантов, а не на их адаптацию к репродуктивным стратегиям своих стран. То есть сопоставление Италии и России говорит о сходствах репродуктивного поведения мигрантов в этих двух странах, при контрасте репродуктивного поведения мигрантов и немигрантов в Италии. Это согласуется с предположением о некоей общности репродуктивной истории разных мигрантских сообществ. Однако адекватность такого вывода, разумеется, требует проверки на более широком материале.

1.2.7 Рождаемость мигрантов в Испании

Испания – это страна сравнительно «новой» миграции. Интенсивная иммиграция в нее началась только в 1980-1990-е годы. В результате, если в 1981 году общее число иностранных уроженцев в стране составляло около 200 тысяч человек, то к 2007 году оно выросло до 4,5 миллионов, составив около 10% от общего населения страны. С 2000 по 2007 годы около 90% общего прироста населения Испании, на фоне очень низкой рождаемости местного населения, обеспечивалось за счет миграции. Наибольшую долю среди мигрантов составляют выходцы из Латинской Америки, также в 1990-2000-е годы возникли крупные диаспоры выходцев из Африки (как Северной, так и из стран южнее Сахары) и Восточной Европы.

В статье [48] рассматривается рождаемость среди мигрантов в Испании (в основном с использованием данных переписи населения, проведенной в этой стране в 2001 году). Как отмечают авторы, рост миграции имел последствия и для

рождаемости в стране. В 2005 году из всех родившихся в Испании 15% составляли дети, чьи матери родились за пределами страны. Рождаемость у мигрантов на рубеже 20-21 веков была заметно выше, чем у местного населения: в 1998 году Суммарный коэффициент рождаемости у женщин, родившихся в Испании, составил 1,1, а у мигранток – 2,6; в 2002 году эти показатели составили соответственно 1,2 и 2,1. При этом разница Суммарных коэффициентов рождаемости у выходцев из разных регионов мира была разной. Так, у мигрантов из Северной Африки в 2002 году Суммарный коэффициент рождаемости составил 3,8, а у выходцев из Латинской Америки – 1,9. В целом разница рождаемости между мигрантами разного происхождения соответствует разнице по рождаемости в их родных странах, но эта картина осложняется следующим обстоятельством: если у выходцев из большинства стран в Испании суммарный коэффициент рождаемости *ниже*, чем в их родных странах, то у выходцев из Марокко, основного североафриканского «поставщика» мигрантов в Испанию, этот показатель почти на единицу *выше*, чем в их родной стране. Это может быть объяснено как более низкой степенью общей адаптации марокканцев по сравнению с другими мигрантами к социокультурным нормам принимающей страны, так и преобладанием среди марокканок «брачной миграции».

Построенные авторами модели, однако, показывают, что, несмотря на большие текущие различия по СКР между некоторыми диаспорами и коренным населением, можно прогнозировать очень серьезные адаптационные процессы в «мигрантской» рождаемости. В моделях сопоставляются риски рождения ребенка в течение года до переписи 2001 года у коренных жительниц Испании и у женщин, прибывших в Испанию из различных стран. У африканских мигранток этот риск заметно выше, чем у испанок (в 2,36 раза выше у мигранток из Северной Африки, в 1,68 раз выше – у мигранток из стран, расположенных южнее Сахары). Однако если в модель включить такие параметры, как возраст женщины, ее брачный статус, образование и количество детей, то разница рисков становится гораздо скромнее и для большинства диаспор теряет статистическую значимость. Если различать также мигранток по году прибытия в страну, то значимые отличия от испанок сохраняются только у тех, кто мигрировал не более чем за шесть лет до переписи, что подтверждает нарастание от года к году адаптационных тенденций.

Таким образом, внешне очень большой разрыв по рождаемости между коренными испанками и представительницами некоторых диаспор не дает авторам

основания утверждать, что различия по рождаемости между мигрантами и коренными жителями Испании будут носить долговременный характер и тем самым подтверждать гипотезу социализации. Эти различия в значительной мере являются производными характеристик диаспор, которые могут меняться во времени, а также уменьшаются у мигрантов пропорционально сроку проживания в стране. Разница между диаспорами по рождаемости также оказалась во многом объяснимой не различиями репродуктивного поведения в родных странах мигрантов, а контрастами между диаспорами по уровню образования, по положению на рынке труда и т.д. Важный вывод для социальной политики из такого исследования состоит в том, что, способствуя изменению социально-экономических условий, в которых находится диаспора, государство может косвенно влиять и на рождаемость в диаспоре.

В работе [49] подчеркивается значение страны происхождения мигранток для их рождаемости в Испании. Используя данные выборочного обследования жительниц Каталонии, проведенного в 2007 году, авторы показывают, что у женщин, прибывших из Африки, рождаемость в Испании отличается не только более высоким уровнем во всех возрастах по сравнению с коренными жительницами и мигрантками с других континентов, но и динамикой в послемиграционный период. Так, только у африканок всплеск рождаемости в первые 5 лет после миграции наблюдается даже в том случае, если они въехали в страну в возрасте старше 28 лет (у других мигранток такие всплески также возможно, но только при более молодом возрасте въезда). Это может быть объяснено тем, что миграция африканок чаще, чем миграция других групп, связана с заключением брака или (что более вероятно в старших возрастах) воссоединением семей.

Интересный анализ рождаемости одной из групп мигрантов в Испании, выходцев из африканской Гамбии, содержится в статье [50]. Выходцы из Гамбии, согласно подсчетам, основанным на испанской переписи населения 2001 года, отличались самым высоким среди всех групп мигрантов суммарным коэффициентом рождаемости - 3,67. Этот уровень почти в два раза превосходил уровень рождаемости их ближайших "преследователей", мигрантов из Сенегала, и более чем в три раза - общестрановой испанский СКР. Объяснение рекордной рождаемости именно мигрантов из Гамбии, предложенное авторами на основе антропологического исследования, интересно тем, что рассматривает данные о рождаемости мигрантов на фоне той политики, которая проводится в их отношении в стране проживания.

Значительная доля выходцев из Гамбии не имеет в Испании легального статуса. Шанс получить работу, преимущественно временную в сельской местности, среди них имеют в основном мужчины, что само по себе может способствовать сохранению высокой рождаемости среди женщин. При этом среди мигрантов имеет определенное распространение многоженство, а также весьма распространены характерные для Западной Африки традиции воспитания детей в рамках "большой семьи", когда они могут проживать не у родителей, а у родственников кого-либо из них. Такая традиция получает в Испании особую поддержку благодаря иммиграционной политике властей этой страны, которые не признают легальный статус многоженства, а при воссоединении семей мигрантов разрешают въезд в страну единственной супруге находящегося в Испании мужчины и их общим несовершеннолетним детям. В результате для детей проживающих в Испании мужчин - выходцев из Гамбии велик риск того, что, однажды выехав на родину, они не смогут вернуться обратно. Поэтому, допуская отъезд на родину матерей своих детей, гамбийцы стремятся самих детей оставлять в Испании. Отсюда и Суммарный коэффициент рождаемости, подсчитанный на основе данных переписи по методу "собственных детей", может давать искаженную картину рождаемости из-за того, что часть реальных матерей переписью не зафиксировано. Если такое объяснение верно, мы имеем случай, когда искажение данных о рождаемости среди мигрантов является артефактом миграционной политики государства.

1.2.8 Рождаемость мигрантов в США

Ниже мы рассматриваем результаты исследований, посвященных только одному из многочисленных миграционных потоков, направляющихся в США, – миграции в страну жителей Мексики. Такой выбор обусловлен не только большим размером мексиканской диаспоры в США, но и особенностями рождаемости у этой диаспоры. По мнению ряда исследователей – оспариваемому, впрочем, их оппонентами – динамика рождаемости у жителей США мексиканского происхождения представляет собой один из наиболее серьезных вызовов для гипотезы адаптации.

В статье [51] рассматривается рождаемость среди мексиканских мигранток в США. Особенность рождаемости в этой крупном мигрантском сообществе (на 1990-й год доля детей, рожденных женщинами мексиканского происхождения, среди всех

рождений в США составляла 9%, а на 2004 год – уже 17%) в конце 20-го века состояла в том, что в нем отличие от «принимающей» страны по уровню рождаемости не уменьшалось поступательно от первого поколения мигранток к последующим. Динамика рождаемости у мигранток в первом, втором и третьем поколении демонстрировала U-образную форму: у мигранток в первом поколении рождаемость была заметно выше американской (что было ожидаемо, поскольку рождаемость в самой Мексике в 1980-1990-е годы была также заметно выше, чем в США), мигрантки во втором поколении несколько сближались с коренными белыми жительницами США по рождаемости, но у мигранток третьего поколения уровень рождаемости вновь возрастал. В таблице 12 показано среднее количество детей для мигранток из Мексики в разных миграционных поколениях в возрасте 18-44 года в сравнении с белыми жительницами США неиспанского происхождения по данным Исследований текущего состава населения (Current Population Surveys) 1986 и 1988 годов.

Таблица 12 - Среднее число детей по данным Исследований текущего состава населения в США, 1986 и 1988 гг. [51]

Этническая принадлежность/Поколение	Среднее число детей на одну женщину	Соотношение с числом детей у белых американок неиспанского происхождения
Мигранты из Мексики	1,808	1,42
Мигранты в первом поколении:		
- мигрировавшие во взрослом возрасте	2,452	1,93
- мигрировавшие в детском возрасте	1,553	1,22
Мигранты во втором поколении	1,402	1,10
Мигранты в третьем поколении	1,712	1,35
Белые американки неиспанского происхождения	1,272	1,00

Очевидно, что подъем рождаемости у мигранток третьего поколения не согласуется с гипотезой адаптации, предсказывающей, что каждое следующее поколение мигранток будет все больше уподобляться по репродуктивному поведению с большинством жительниц принимающей страны. Методологически важно, однако, что сами по себе цифры, приведенные в таблице 12, не могут служить опровержением гипотезы адаптации. Действительно, нельзя исключать, что женщины детородного возраста среди мигрантов третьего поколения отличаются от таковых среди мигрантов второго поколения по каким-либо социальным («структурным») характеристикам, таким, как уровень образования, уровень брачности, доля женщин, чей муж живет и работает за рубежом и т.д. Различия по рождаемости между поколениями мигрантов в таком случае могут быть связаны с их различиями по этим характеристикам, очевидным образом влияющими на рождаемость. А тогда говорить об опровержении гипотезы адаптации можно будет с большой натяжкой: всплеск рождаемости в третьем поколении мигрантов по сравнению со вторым будет объясняться не «отдалением» третьего поколения от коренных жителей принимающей стороны по репродуктивным установкам, а отличительными «структурными» особенностями этого поколения.

Чтобы получить более надежные основания говорить о том, что представленные выше данные противоречат гипотезе адаптации, авторы строят линейные регрессионные модели, в которых в качестве зависимого параметра выступает число детей у женщины, а в качестве независимых, наряду с принадлежностью женщины тому или иному поколению мигрантов, также такие индивидуальные характеристики, как уровень образования, возраст вступления в брак, регион проживания в США и т.д. Оказалось, что при включении в модель таких социальных характеристик значимость поколения мигрантов, к которому принадлежит женщина, сохраняется, и принадлежность к третьему поколению мигрантов продолжает оказывать «повышающее» влияние на число детей.

Получив такой результат, авторы задаются вопросом о том, что же могло послужить причиной «отмены» адаптационного сценария и обратного повышения рождаемости. Среди предполагаемых причин они называют разочарование мигрантов в возможности полноценной интеграции в американское общество. Такое разочарование, как полагают авторы, приходит после накопления достаточного семейного опыта жизни в новой стране и ведет к «де-ассимиляции», то есть

укреплению общинных связей между мигрантами и их возврату к «собственным» поведенческим нормам, включая и нормы репродуктивного поведения. Эта «де-ассимиляция» ожидаема как раз для мигрантов третьего поколения, «с высоты» опыта их семей. Возможность такого сценария авторы обосновывают различными особенностями развития США в 1980-е – 1990-е годы. Отметим, что их аргументация все же не дает ответа на вопрос, почему рождаемость повышается именно у третьего поколения мигрантов.

С тем, что рождаемость среди мексиканских мигрантов в США не развивается по адаптационному сценарию, согласны не все исследователи. В статье [52] авторы сопоставляют по среднему количеству детей разные группы женщин мексиканского происхождения, проживающих в США. Основная идея их исследования состоит в том, чтобы проследить изменения среднего числа детей на одну женщину у мигранток, въехавших в США, и их потомков, проживающих в этой стране. Разумеется, данные переписей и Исследований наличного населения (Current Population Survey), проведенных в США, не позволяют напрямую выявить потомков каких-либо групп мигрантов среди американского населения. Поэтому авторы, используя данные переписей, проведенных с 1940 по 1970 год, и Исследований наличного населения, проведенных с 1986 по 2004 годы, строят предполагаемые «поколенческие» цепочки. Например, женщинам-мигрантам в первом поколении, родившимся в 1905-1909 годах, в качестве *второго поколения* сопоставляются женщины, родившиеся на 25 лет позже (в 1930-1934 годах), и имеющие хотя бы одного родителя, родившегося в Мексике, а в качестве *третьего поколения* – женщины мексиканского происхождения, которые родились еще на 25 лет позже (в 1955-1959 годах) и у которых и отец, и мать родились в США. С определенной долей условности, женщины из отграниченной таким образом группы мигранток второго поколения могут считаться «дочерьми» мигранток первого поколения, а мигрантки третьего поколения – «внучками» последних.

Разумеется, для того, чтобы провести сопоставление между такими группами женщин, в качестве «исходной точки», то есть первого поколения, необходимо брать таких мигранток, чьи условные «внучки» уже завершили свой детородный период (поскольку среднее число детей имеет смысл сопоставлять только у таких реальных поколений, у которых этот период завершился или близок к завершению). На конец 20 века определенных вышеописанным образом «дочерей» и «внучек» можно было

наблюдать у первого поколения мигранток, родившихся в 1885-1914 годах. Наблюдение за динамикой рождаемости у «дочерей» и «внучек» этого поколения позволяет увидеть масштабную историческую картину постепенного понижения рождаемости у мексиканских женщин в США в течение 20 века. Фрагмент этой картины дан в таблице 13. В ней сначала приводится среднее количество детей на одну женщины у мигранток первого поколения (по пятилетним группам) и двух последующих поколений, а также среднее количество детей на одну женщину у коренного белого населения США, родившегося в те же годы. Затем, отдельно для мексиканских женщин и коренных американок, приводятся соотношения среднего числа женщин между «соседними поколениями». Видно, что у мексиканок имеет место снижение рождаемости от поколения к поколению, в том числе и в тех случаях, когда у коренных американок имела место обратная динамика. Так, «дочери» коренных американок, родившихся в 1895-1914 годах, стали поколением «бэби-бума», охватившего страну с 1930-х годов, и соотношение среднего числа детей у них и у их «матерей» было больше единицы; у мексиканок же мигрантки второго поколения даже в период бэби-бума рожали меньше своих «матерей».

Таблица 13 - Изменения рождаемости между поколениями мексиканских мигрантов и коренных белых жительниц США

Годы рождения первого поколения	Среднее число детей на одну женщину к 40-44 годам					
	Мексиканки			Белые американки		
	Первое поколение	Второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	Третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)	Первое поколение	Второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	Третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)
1885-1889	4,8	4,2	4,0	3,0	2,4	2,9
1890-1894	4,7	4,2	3,6	2,8	2,5	2,5
1895-1899	5,1	4,5	3,3	2,7	2,8	2,2
1900-1904	4,9	4,5	2,6	2,6	3,0	2,0

Продолжение таблицы 13

1905-1909	4,8	4,1	2,6	2,4	3,2	2,0
1910-1914	4,3	3,5	2,4	2,4	2,9	2,0
	Соотношение среднего числа детей между поколениями					
	Мексиканки			Белые американки		
	Второе/первое	Третье/второе	Второе/первое	Третье/второе	Второе/первое	Третье/второе
1885-1889	0,88	0,95	0,80	1,22		
1890-1894	0,90	0,86	0,92	0,99		
1895-1899	0,89	0,72	1,03	0,80		
1900-1904	0,91	0,58	1,16	0,67		
1905-1909	0,87	0,64	1,31	0,63		
1910-1914	0,80	0,69	1,22	0,69		

Очевидно, что такая система сопоставлений выглядит более «громоздкой», чем простое сопоставление рождаемости у мигрантов разных поколений вне зависимости от года рождения (как в таблице 12 для тех же мексиканских мигранток в США). Однако, как подчеркивают авторы, именно сопоставляя рождаемость сконструированных поколений родителей и их вероятных детей, можно увидеть те адаптационные тенденции, которые при более грубом анализе не видны. В статье приводятся и другие свидетельства того, что третье поколение мигранток из Мексики в значительно большей степени адаптировалось с точки зрения репродуктивного поведения, чем предыдущие поколения. Так, колебания по числу детей в зависимости от года рождения женщины у мигранток третьего поколения демонстрируют значительный параллелизм с такими колебаниями у коренных белых американок. В частности, у мигранток третьего поколения, но не предыдущих поколений, наблюдалось повышение рождаемости в период бэби-бума. Также к третьему поколению у мигранток наблюдается почти такая же статистическая связь между количеством детей и образованием, что и у коренных белых американок.

Несмотря на процесс адаптации, наблюдаемый на большом временном отрезке, особенности репродуктивного поведения женщин мексиканского происхождения в США на рубеже 20-21 веков все же заставляли говорить о том, что гипотеза адаптации объясняет в данном случае не все. Более того, неадекватной оказывалась и гипотеза социализации. Как показано в статье [53]5, в 1995 году Суммарный коэффициент рождаемости для женщин мексиканского происхождения в США *превысил* этот показатель для Мексики и оставался выше его по крайней мере до 2000 года. Мексиканский коэффициент при этом снижался, а «мигрантский» коэффициент стабильно держался на уровне около трех. Очевидно, что эту довольно редкую ситуацию невозможно объяснить сохранением среди мигрантов тех репродуктивных установок, которые они получили в юности на исторической родине (даже если считать, вопреки реальности, что все женщины мексиканского происхождения в США являются мигрантами в первом поколении): такое объяснение годилось бы, если бы «мигрантский» коэффициент держался на уровне мексиканского и повторял его динамику.

В этой статье, как и в статье [52], проводится разделение жителей США мексиканского происхождения на группы с разной миграционной историей, но в данном случае это делается не для выявления долговременных межпоколенческих трендов, а для объяснения «аномального» повышения Суммарного коэффициента рождаемости у мигрантов на коротком отрезке времени – во второй половине 1990-х – начале 2000-х. Выяснилось, что, с одной стороны, у мигранток в первом поколении, переехавших в США менее шести лет назад, возрастные коэффициенты рождаемости в 1998-2002 годах во всех возрастах были выше (в среднем по разным возрастам – примерно в полтора раза), чем у мигранток во втором-третьем поколениях, а также у мигранток в первом поколении, проживших с США шесть и более лет (см. рисунок 3). С другой стороны, у мигранток в третьем поколении коэффициенты рождаемости в молодом возрасте (20-24) оказались существенно выше, чем у мигранток второго поколения и первого поколения «со стажем» - почти на уровне мигранток первого поколения, только что въехавших в страну; в более старших возрастах коэффициенты рождаемости у этой группы заметно снижались. По среднему числу детей к разным возрастам также регулярно первенство держали мигрантки, въехавшие в страну менее шести лет назад, однако вслед за ними шли мигрантки в третьем поколении (рисунок 4).

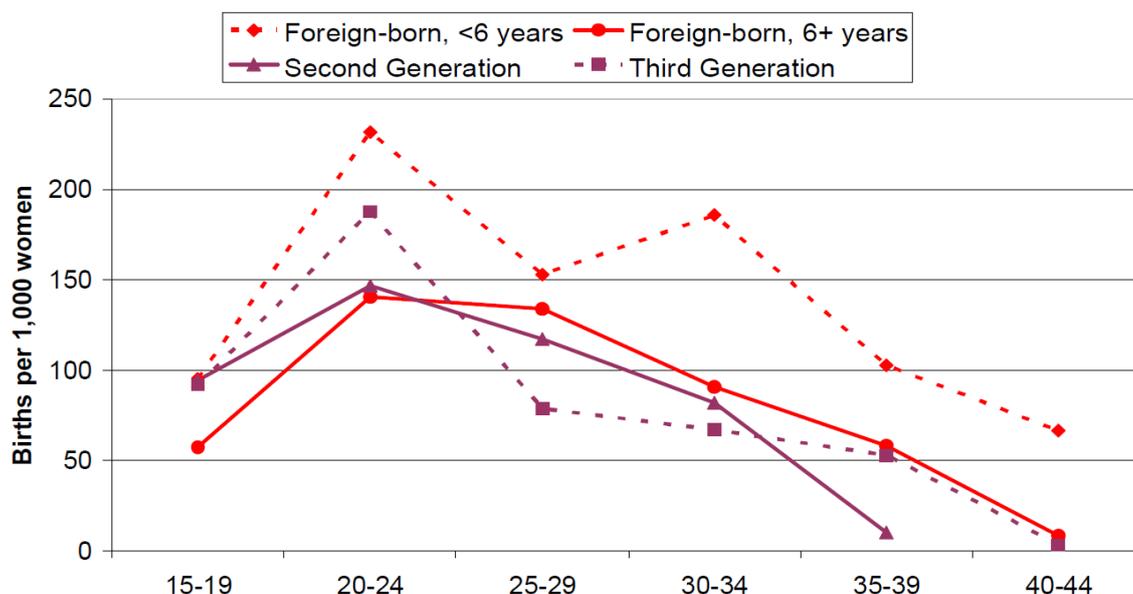

Рисунок 3 - Возрастные коэффициенты рождаемости (число детей на 1000 женщин) для женщин мексиканского происхождения в США, 1998-2002 (Current Population Survey) [53]

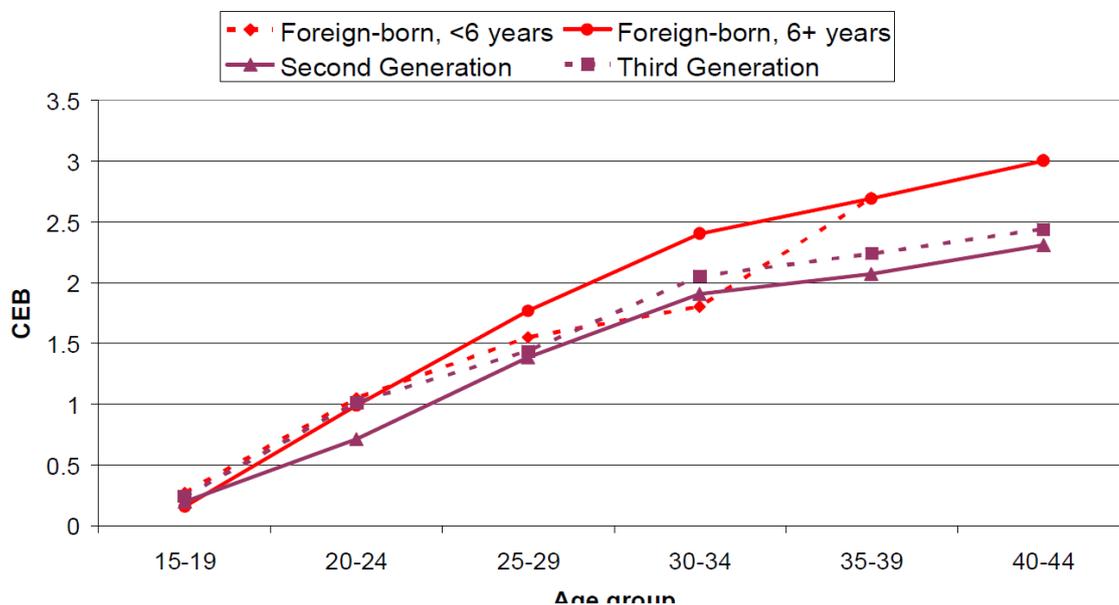

Рисунок 4 - Общее число рожденных детей (на 1000 женщин) для женщин мексиканского происхождения в США, 1998-2002 (Current Population Survey) [53]

Эта повышенная рождаемость в первые годы пребывания в США в 1998-2002 гг. была для мексиканок сравнительно новым явлением. В статье сопоставляются

модели, показывающие влияние миграционной истории на общее количество детей у женщины, построенные по данным на 1998-2002 годы, с моделями, построенными по данным на 1986-1988 годы.

Таблица 14 - Влияние миграционного статуса женщины на общее количество у нее детей: соотношения рисков (odds ratio) в регрессии Пуассона (США, 1998-2002 г., Current Population Survey) [53]

Группа	Odds ratio
Белые неиспанского происхождения	1
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США не более шести лет назад	1,274***
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 7-11 лет назад	1,621***
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 12-16 лет назад	1,892***
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 17 и более лет назад	2,088***
Женщины мексиканского происхождения – мигранты второго поколения в США	0,879***
Женщины мексиканского происхождения – мигранты третьего поколения в США	1,320***
N	65787

***p<0,01

Таблица 15 - Влияние миграционного статуса женщины на общее количество у нее детей: соотношения рисков (odds ratio) в регрессии Пуассона (США, 1986-1988 г., Current Population Survey) [53]

Группа	Odds ratio
Белые неиспанского происхождения	1
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США не более шести лет назад	1,105

Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 7-11 лет назад	1,732***
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 12 и более назад	2,003***
Женщины мексиканского происхождения – мигранты второго поколения в США	1,064
Женщины мексиканского происхождения – мигранты третьего поколения в США	1,342***
N	49749

*** $p < 0,01$

Из сопоставления моделей видно, что в 1986-1988 годах принадлежность к группе мигранток первого поколения, приведших в США менее шести лет, не была значимо связана с бóльшим количеством детей. Повышение рождаемости «новых» мигранток в конце 1990-х авторы объясняют последствиями принятия в 1986 году в США Акта реформы и контроля иммиграции (Immigration Reform and Control Act), вскоре после которого многие нелегальные мигранты получили в США законный статус. Среди мигрантов из Мексики в США в конце 1990-х, по мнению авторов, было много женщин, въезжавших в страну для воссоединения со своими легализовавшимися партнерами, и именно это «подняло» рождаемость новых мигранток.

Что касается высокой рождаемости мигранток третьего поколения, авторы объясняют ее особыми социально-экономическими условиями, в которых находится в США значительная часть женщин мексиканского происхождения (более низкий, чем в среднем по стране, уровень доходов; бóльшая доля проживающих в арендуемом жилье, и т.д.). Именно эти условия могут быть причиной более раннего прекращения образования и более раннего вступления в партнерские отношения (часто не регистрируемые). Отметим, однако, что это объяснение никак не предсказывает контрастов по рождаемости между вторым и третьим поколениями.

В целом изучение рождаемости среди женщин мексиканского происхождения в США позволяет сделать два методологически важных вывода. Во-первых, необходимо различать мигранток разных поколений, поскольку именно сравнение

рождаемости между ними позволяет увидеть долговременные тренды репродуктивного поведения в диаспоре. Во-вторых, социально-экономические условия, в которых находится диаспора, могут приводить к такой динамике рождаемости, которая не имеет очевидного объяснения в рамках ни одной из имеющихся общих гипотез о рождаемости среди мигрантов. Именно это обстоятельство объясняет особый интерес исследователей к данному миграционному «кейсу».

Впрочем, в других исследованиях показано, что необычные особенности рождаемости испаноязычных мигранток в США по крайней мере отчасти могут быть артефактом некорректных подсчетов. Так, в статье [54] рассматривается рождаемость мигрантов, прибывших из Латинской Америки и Мексики в США на рубеже 20-21 веков. Автор сначала рассматривает данные по рождаемости среди мигрантов в США из Латинской Америки и Мексики в сравнении с рождаемостью у женщин, остающихся в указанных странах. При расчете коэффициента для трех групп мигранток в качестве числителя выступает число рождений детей женщинами мексиканского и латиноамериканского происхождения по данным Национального Центра Медицинской Статистики (NCHS) США, и в качестве знаменателя – число женщин указанного происхождения по данным National Census Bureau США. Оказывается, что суммарный коэффициент рождаемости для всех трех групп женщин-мигранток в 2000-е годы был заметно выше, чем для женщин в их родных странах. При этом возможное объяснение этого эффекта более низким уровнем образования среде женщин-мигранток не удовлетворительно: в действительности имеющаяся статистика указывает на то, что по уровню образования мигранты в США выше, чем женщины, остающиеся в этих странах. С другой стороны, как показывает автор, разница в суммарных коэффициентах рождаемости может быть «артефактом» статистики: общая численность женщин-мигранток с большой вероятностью занижена National Census Bureau, что связано с трудностями оперативного текущего учета лиц, прибывающих в страну. Это занижение ведет к уменьшению знаменателя при расчете суммарного коэффициента рождаемости для мигранток и, как следствие, завышению самого коэффициента.

Завышенность суммарных коэффициентов рождаемости мигранток, подсчитанных на основе официальных данных, подтверждает и тот факт, что, будучи рассчитанными на основе данных опросов, суммарные коэффициенты рождаемости

для мексиканских и латиноамериканских мигранток в США заметно ниже, чем коэффициенты, рассчитанные на основе официальных статистических данных. Однако, и будучи рассчитаны по данным опросов, суммарные коэффициенты рождаемости у мигранток в США все же выше, чем эти показатели для женщин в их родных странах. Кроме того, у мигранток первого поколения наблюдается заметный разрыв между суммарными коэффициентами рождаемости, рассчитанными для периодов (годов), и коэффициентами рождаемости когорт, находящихся в стадии завершения детородного возраста в соответствующий год: когортные коэффициенты регулярно оказываются ниже периодных. Эти факты статистики, очевидно, уже не могут быть объяснены неточностями официальных данных.

Повышенный суммарный коэффициент рождаемости у мигрантов в случае, когда он не может быть объяснен ошибками статистических данных, автор предлагает объяснять тем, что миграция женщин тесно связана с созданием семьи: женщина, мигрирующая в другую страну, где имеется достаточно большая диаспора ее соотечественников, с большой вероятностью планирует либо воссоединение с имеющимся супругом, либо выход замуж в ближайшее время после миграции. Это подтверждается более высокой долей замужних женщин в молодых возрастах среди латиноамериканских и мексиканских мигрантов в США по сравнению с их родными странами. Также имеющиеся данные опросов показывают, что в жизненной стратегии описываемых групп мигранток миграция тесно увязана с рождением первого ребенка. Это подтверждается аномально высоким (более единицы) суммарным коэффициентом рождаемости по первому ребенку у мигранток этих групп. Именно «ускоренное» деторождение после миграции, как показывает автор, объясняет и регулярно более низкие значения когортных коэффициентов рождаемости по сравнению с периодными.

1.2.9 Рождаемость мигрантов в Австралии

Миграция из Европы в Австралию в последней четверти 20 века отличалась от многих других миграционных потоков новейшего времени тем, что рождаемость в странах, откуда шла эта миграция, не превышала значительно рождаемости в принимающей стране или даже была ниже ее. Согласно переписи 1991 года, мигранты составляли около 22% населения страны, или 3,7 миллионов человек. Более половины

мигрантов из Европы составляли выходцы из Великобритании и Ирландии. Также имеются значительные диаспоры из Италии, Польши, Германии, Нидерландов, Греции. В этих условиях рождаемость среди мигрантов в ряде случаев менялась по довольно нестандартным сценариям.

В статье [16] рассматривается рождаемость среди европейских мигрантов в Австралии. Цель исследования состоит в том, чтобы сопоставить динамику рождаемости в диаспорах в странах, откуда прибыли мигранты, и тем самым проверить применительно к Австралии имеющиеся гипотезы о влиянии миграции на рождаемость.

Используя данные австралийских переписей, авторы подсчитывают суммарные коэффициенты рождаемости для диаспор из различных стран с различением:

- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте старше 15 лет;
- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте младше 14 лет («полуторное» поколение мигрантов);
- мигрантов второго поколения (родившихся в Австралии, но имеющих мигранта первого поколения хотя бы одним из родителей).

Суммарные коэффициенты рождаемости, посчитанные для этих групп, сопоставляются с суммарными коэффициентами рождаемости в странах, откуда прибыли мигранты (сопоставление отдельно проводится для 1977-1981, 1982-1986, 1987-1991 годов; см. Таблицу 16).

Ряд результатов этого сопоставления лишь подтверждает адекватность тех гипотез, об успешной проверке которых другим материалом мы писали выше. Так, рождаемость у мигрантов второго поколения в целом ближе к рождаемости коренных австралийцев, чем у мигрантов первого поколения. Мигранты первого поколения, въехавшие в страну до 15 лет, в целом ближе по уровню рождаемости к принимающей стране, чем мигранты, въехавшие во взрослом возрасте. Все это подтверждает гипотезу адаптации. Особенность Австралии здесь состоит лишь в том, что адаптация может идти и «вверх», с повышением рождаемости ко второму поколению мигрантов. Например, у мигрантов первого поколения из Польши, СКР был на 0,3 ниже австралийского, а у мигрантов второго поколения этот разрыв уменьшался. Как предполагают авторы, такая динамика рождаемости у польских мигрантов могла быть объяснена тем, что в 1970-1980-е годы для многих из них миграция была сопряжена

со значительными трудностями фактического бегства с коммунистической родины (спад рождаемости у первого поколения польских мигрантов подтверждал тем самым гипотезу прерывания).

Таблица 16 - Суммарные коэффициенты рождаемости для мигрантов из некоторых стран в Австралии в сравнении и их исторической родиной, 1977-1991 (по данным переписи населения Австралии 1991 года) [16]

Страна	Период	СКР в стране, откуда прибыли мигранты	Мигранты в первом поколении	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну в возрасте 15 лет и старше	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну до 15 лет	Мигранты во втором поколении
Греция	1977-81	2,2	2,3	3,0	2,4	1,9
	1982-86	1,8	1,7	2,2	1,7	1,6
	1987-91	1,4	1,6	2,0	1,5	1,5
Нидерланды	1977-81	1,5	1,9	1,8	2,6	2,4
	1982-86	1,5	1,6	1,8	2,2	2,5
	1987-91	1,5	1,6	1,8	1,9	2,2
Польша	1977-81	2,2	1,6	1,6	1,9	1,9
	1982-86	2,3	1,6	1,7	1,7	1,7
	1987-91	2,2	1,5	1,7	1,6	1,6

Однако более интересная динамика, не укладывающаяся ни в одну из существующих гипотез, наблюдается для рождаемости мигрантов из Греции и Нидерландов. Рождаемость мигрантов из Нидерландов в Австралии неожиданно возрастает по сравнению и с их исторической родиной, и с принимающей страной, и особенно заметен этот рост ко второму поколению (см. таблицу 16). В статье показано, что это объяснимо «селективностью» нидерландских мигрантов. Среди этих мигрантов в Австралии велика доля тех, кто селится там за пределами крупных городов. Также от первого поколения нидерландских мигрантов ко второму более чем на 10 п.п. сокращается доля имеющих профессиональное образование. По-видимому, среди мигрантов из Нидерландов в Австралию велика доля тех, кто нацелен на

сельский образ жизни и многодетность, определенного рода «дауншифтинг» по сравнению с образом жизни, преобладающим на исторической родине. То есть имеет место селективность, противоположная той, которая наблюдается при миграции из развивающихся стран в развитые, что показывает возможность разнообразия конкретных проявлений селективности.

Рождаемость мигрантов из Греции в Австралии во многом повторяет динамику рождаемости на их исторической родине, как раз в 1970-1980-е годы испытавшей значительный спад репродуктивной активности. Эта динамика повторялась у мигрантов и первого, и второго поколений. Такую «зависимость» от динамики рождаемости на исторической родине невозможно считать простым подтверждением гипотезы социализации. Эта гипотеза, напомним, предполагает зависимость рождаемости от тех репродуктивных установок, которые женщина получила в детстве, а потому в общем случае не предсказывает зависимость рождаемости мигранток второго поколения от рождаемости на родине. С точки зрения авторов, необычная динамика рождаемости в греческой диаспоре связана с тесными связями с исторической родиной, характерными для этой диаспоры. Фактор интенсивности связей диаспоры с исторической родиной должен, следовательно, учитываться в исследованиях рождаемости среди миграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги. Рассмотренные нами исследования подтверждают естественное предположение о том, что ни одна из гипотез о влиянии миграции на рождаемость, изложенных выше, не является универсально верной. Каждая из этих гипотез нашла подтверждения по крайней мере в каких-то исследованиях. Из этого вытекает, что дальнейшей задачей изучения рождаемости у мигрантов должно стать выяснение для каждой из четырех гипотез тех условий, при которых реализуется заданный ей сценарий. На данный момент эта задача весьма далека от решения.

Вместе с тем, на основе рассмотренных исследований можно сделать ряд выводов о том, какая информация о мигрантском сообществе и репродуктивном поведении его членов необходима, если делается попытка изучить влияние миграции на рождаемость.

Во-первых, объектом исследования должна быть рождаемость не только у тех, кто совершил миграцию, но и у их потомков. Последние также могут заметно отличаться по репродуктивному поведению от принимающей стороны. Отдельного внимания заслуживает также рождаемость у мигранток так называемого «полуторного» поколения, то есть совершивших миграцию до начала репродуктивного периода.

Во-вторых, важным для рождаемости параметром является не только статус женщины как мигранта, но и число лет, проведенных на новой территории.

В-третьих, связь миграции и рождаемости может быть обнаружена еще до события миграции. Поэтому, наряду с сопоставлением рождаемости в мигрантском сообществе и на территории, с которой совершена миграция, важны данные по «домиграционной» рождаемости самих мигрантов.

В-четвертых, при анализе рождаемости необходим учет целей, с которыми совершается миграция (трудовая, «брачная» миграция и т.д.), а также интенсивности связей между членами мигрантского сообщества.

В-пятых, нет универсально верного ответа на вопрос о том, «сводимы» ли влияние миграции к влиянию меняющихся в результате миграции социально-экономических условий; роль последних почти всегда велика, но далеко не всегда они

могут полностью объяснить разницу по рождаемости между мигрантами и коренными жителями принимающей страны (или соотечественниками мигрантов, оставшимися на родине).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Kulu, H., Gonzalez-Ferrer, A. Family Dynamics Among Immigrants and Their Descendants in Europe: Current Research and Opportunities // *European Journal of Population*, vol.30, 2014, 411-435.
- 2 Kulu H. Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European Journal of Population Research* 21:51-87, 2005.
- 3 С.В.Захаров, С.В.Сурков. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // С.В. Захаров, Т.М.Малева, О.В.Синявская (ред.). Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып.2. М.: НИСИ, 2009. с.45-118.
- 4 Goldstein S., Goldstein A. Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data. Santa Monica, Rand Corporation, 1983.
- 5 Lee, B. S., S. C. Farber. The Influence of Rapid Rural-Urban Migration on Korean National Fertility Levels // *Journal of Development Economics* 17, pp. 47-71, 1985.
- 6 Schultz, T. P. (1976), "Interrelationships Between Mortality and Fertility", in *Population and Development*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, pp 239-289.
- 7 Jensen Eric R. and Dennis A. Ahlburg. Why Does Migration Decrease Fertility? Evidence from the Philippines // *Population Studies*, Vol. 58, No. 2 (Jul., 2004), pp. 219-231.
- 8 Manner, Christopher K. A Model of Rural-Urban Migration and Fertility. *The Journal of Developing Areas*, Vol. 37, No. 1 (Autumn, 2005), pp. 55-71.
- 9 Ram B., M.George. Immigrant Fertility Patterns in Canada, 1961-1986 // *International Migration*, 35(4), 1990.
- 10 Mayer J., T.Riphahn. Fertility assimilation of migrants: evidence from count data models // *Journal of Population Economics* 13(2):241-261, 2000.
- 11 Andersson G. Childbearing after migration: Fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International migration review* 15(3), 2004.
- 12 Yeter M., Stichnoth H. Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany // *ZEW-Centre for European Economic Research Discussion Paper*, 12-023, 2013.
- 13 Adsera A., A.Ferrer, W.Sigle-Rushton, B.Wilson. Fertility patterns of child migrants: age at migration and ancestry in comparative perspective // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol.643, September 2012, 160-189.
- 14 Milewski N. Immigrant fertility in West Germany: Is there a socialization effect in transitions to second and third births // *European Journal of Population*, vol.26, no.3, 2010.
- 15 Guilmoto C.Z., S.Rajan. Spatial patterns of fertility transitions in India districts // *Population and development review* 27(4), 2001.
- 16 Abbasi-Shivazi M., P.McDonald. A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // *Genus*, 58(1), 2002.
- 17 Dubuc S. Immigration to the UK from High-Fertility Countries: Intergenerational Adaptation and Fertility Convergence // *Population and Development Review*, vol.38, no.2, 2012.
- 18 Goldscheider C. *Population, Modernization, and Social Structure*. Boston: Little, Brown & Company. 1971.
- 19 Goldscheider C., P.Uhlenberg. Minority group status and fertility // *American Journal of Sociology*, vol.74, no.2, 1996, pp. 361-372.

- 20 Gore D.L., E.Carlson. Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population Studies*, vol.64 (2), 2010, 179-191.
- 21 Booth H. Ethnic differentials in the timing of family formation: a case study of the complex interaction between ethnicity, socioeconomic level, and marriage market pressure // *Demographic Research*, v. 23, art. 7, 2010.
- 22 Stonawski M., M.Potancokova, V.Skirbekk. Fertility Patterns of Native and Migrant Muslims in Europe // *Population, Space and Place*, vol.22, no.6, 2016, 552-567.
- 23 Gyimah S.O. The Dynamics of Timing and Spacing of Births in Ghana // *Journal of Comparative Family Studies*, vol.36, no.1, 2005, pp.41-60.
- 24 Arnaldo C. Ethnicity and marriage patterns in Mozambique // *African Population Studies*, 19(1):143-164, 2004.
- 25 Forste R., M.Tienda. What's behind racial and ethnic fertility differences // *Population and development review*, vol.22, Supplement: Fertility in the United States: New Patterns, New Theories, 1996, 109-133.
- 26 Goldstein, S. "Migration and Fertility in Thailand, 1960-1970." *Canadian Studies in Population* 5, pp. 167-180, 1978.
- 27 Zarate A., de Zarate A.U. On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // *International Migration Review*, vol.9 (2), 115-156, 1975.
- 28 Courgeau D. Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *European Sociological Review*, Vol. 1(2), 139-162, 1985.
- 29 Hendershot, G. E. (1971), "City Migration and Urban Fertility in the Philippines." *Philippines Sociological Review* 19, pp. 183-193.
- 30 Massey D.S., B.P.Mullan. A demonstration of the effect of seasonal migration on fertility // *Demography* 21(4), 1984.
- 31 Ribe, H. and T. P. Schultz. "Migration and Native Fertility in Columbia in 1973: Are Migrants Selected According to Their Reproductive Preference?" Center Discussion Paper No. 355, Economic Growth Center, Yale University, New Haven, 1980.
- 32 Goldstein, S. and P. Tirasawat. The Fertility of Migrants to Urban Places in Thailand, Paper No. 43, East-West Population Institute, East - West Center, Honolulu, 1977.
- 33 Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic Research* 19:225-248, 2008.
- 34 Sobotka T. Migrant Fertility in Europe: Accelerated Decline During Recession Period. Доклад на конференции "The fertility of migrants and minorities". Ганновер, 6-8 февраля 2017.
- 35 Milewski N. Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in Life Course Research*, vol.16, 2011, 178-189.
- 36 Crul M., Schneider J., Lelie F. (eds.). *The European Second Generation Compared: Does the Integration Context Matter?* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012.
- 37 Andersson G., Persson L. Childbearing among the descendants of immigrants in Sweden // *Stockholm Research Reports on Demography* 2014.
- 38 Coleman D.A., S.Dubuc. The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006 // *Population Studies* 64(1):19-41, 2010.
- 39 Retherford, R.D., Cho, L.J. (1978). Age-parity-specific birth rates and birth probabilities from census or survey data on own children // *Population Studies* 32(3):567–581.
- 40 Robards J., A.Berrington. The fertility of recent migrants to England and Wales // *Demographic research*, vol. 34, June 2016.

- 41 Kulu H., T.Hannemann. Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic research*, vol.35, pp.1441-1488, December 2016.
- 42 Cygan-Rehm, Kamila. Do immigrants follow their home country's fertility norms? IWQW Discussion Paper Series, No. 04, 2013.
- 43 Schmid S., M.Kohls. Reproductive behaviour of migrant women in Germany: Data, patterns and determinants // *Vienna Yearbook of Population Research* 2009, 39-61.
- 44 Wolf K. Fertility of Turkish Migrants in Germany: Duration of stay matters // MPIDR Working paper 2014-01, 2014.
- 45 Andersson G., K.Scott. Labor market status and first time parenthood: the experience of immigrant women in Sweden, 1981-1997 // *Population Studies*, vol.59, no.1, 2005, 21-38.
- 46 Mussino E., S.Strozza. Does citizenship still matter? Second birth risks of migrants from Albania, Marocco and Romania in Italy // *European Journal of Population*, vol.28, no.3, 2012, 269-302.
- 47 Mussino E., A.van Raalte. Fertility of Migrants: A comparative study between Italy and Russia // MPIDR Working Paper, November 2008.
- 48 Roig Vila, M. and Teresa Castro Martín. Childbearing patterns of foreign women in a new immigration country: the case of Spain // *Population* 62(3), 351–379, 2007.
- 49 Devolder, D., & Bueno, X. Effects of migration on fertility patterns for non-native women in Spain. Paper presented at the EPC conference in Stockholm, 13–16 June 2012.
- 50 Bledsoe C., R.Houle, P.Saw. High fertility Gambians in low fertility Spain: the dynamics of child accumulation across transnational space // *Demographic Research*, vol. 16, May 2007.
- 51 Bean F., C. Gray Swicegoog, R.Berg. Mexican-Origin Fertility: New Patterns and Interpretations // *Social Science Quarterly*, vol.81, no.1, 2000.
- 52 Parrado E., P.Morgan. Intergenerational fertility among Hispanic women: new evidence of immigrant assimilation // *Demography*, Vol.45, no.3, 2008.
- 53 Frank R., P.Heuveline. A cross-over in Mexican and Mexican-American fertility rates: Evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic Research*, vol.12, 2005.
- 54 Parrado, Emilio A., "How High is Hispanic/Mexican Fertility in the U.S.? Immigration and Tempo Considerations" (2010). PSC Working Paper Series. 18.